

Мария Чинихина

Наследники

Мария Чинихина

Наследники

«Издательские решения»

Чинихина М.

Наследники / М. Чинихина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-833442-9

Эта книга о музыканте, который лишился дара. Или он так думает? Эта книга о несостоявшейся писательнице. Или она так думает? Эта книга о дочери, которая хочет превзойти успех отца-легенды. Или она так думает? Эта книга о матери, которая всеми силами спасает свою семью. Или она так думает? Эта книга о сыне, который жаждет получить власть раньше срока и готов рискнуть всем. Или он так думает? Эта книга о поклоннике, который ради кумира пойдет на все. Или он так думает?

ISBN 978-5-44-833442-9

© Чинихина М.

© Издательские решения

Наследники

Мария Чинихина

Рок – та музыка, которая поможет разобраться в себе.

*Отыскать во внутреннем мире частичку себя, не убив при этом
никого.*

Джаред Лето

© Мария Чинихина, 2017

ISBN 978-5-4483-3442-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Криста. Студентка

Дружбой наследников я дорожу, но как ни стараюсь переступить через себя, не выходит. Не получается признаться, что использую рассказанные ими истории для книги. Альберта, моя подруга, все чаще жалуется на непростые отношения в семье или, между делом, не постесняется отпустить грубое словечко в адрес магната N. Странное ощущение зарождается внутри – гудит голова и покалывающая боль пронизывает тело... Я подхожу к окну, отворяю форточку, и свежий воздух наполняет комнату. С наслаждением вдыхаю его аромат. В тусклом свете фонаря отражаются чёрные тени студентов, опаздывающих к закрытию общежития. Мелкие фигурки движутся по начерченной траектории... А я вдруг замираю... Кажется, что монолог Альберты отголосками звучит совсем рядом. Отчетливо слышу низкие полутона, дерзкий смех, вижу ухмылку на темно-вишневых губах и вдруг начинаю отчетливо представлять то, что видит она. Четкие картинки в памяти выстраиваются без ведомого контроля – воображаемые персонажи управляют мной, вступают в диалог. Буквы группируются в слова, только и успеваю стучать по выпуклым клавишам...

Ох, если Альберта узнает. Иногда текст выходит удачным, и я довольна, но бывает, что не знаю, как продолжить – Альберта не в настроении разговаривать откровенно и мне нужно хитростью выведывать у нее информацию о брате—наследнике, отце—музыканте и матери, довольно противоречивой в поступках. Случается, что Альберта сама ведет себя безрассудно. Я начинаю судить ее, возмущаться. Мы ссоримся. В порыве злости не сдерживаюсь и пишу:

«Ты виновата, раз осмелилась очередной выходкой позлить маму».

«Не смей упрекать меня! Ты, мисс образцовая ученичка и волонтерша, понятия не имеешь о жизни за оградой общежития!» – парирует Альберта и меняет в чате статус «online» на «offline».

Но я не сдаюсь – во мне кипит желание проучить ее. Бью в больное место:

«Патрику нужны связи твоего отца. Признай!».

«Сколько раз просила отзываться о Патрике уважительно!».

Уважительно хочешь? Будет тебе! Копирую ссылку на журнал светской хроники и отправляю ей на почту статью с такой припиской:

«Уверена, что мистер Патрик читал! Фотографии пикантные. А заголовок! „Мисс Элис, невеста наследника Эдвина, бросила в сестру жениха торт на церемонии открытия осеннего светского сезона“. Думай, как решить проблему! Только представь, во что нам выльется раскрытие обмана?».

«Криста – ты невинная или притворяешься? Мое лицо в сливочном креме. Не тормози и дай выспаться».

Забегая вперед. Что ж, по порядку...

В выпускном классе я вдруг осознала, чем хочу заниматься. Помню, как останавливалась у зеркального шкафа, трогала сухую кожу на щеках, любовалась комками на склеенных от туши ресничках, сожалела, если замечала кривую линию или прозрачную слезинку в самом уголке, мысленно считала до десяти и краем цветастого сарафана терла быстро краснеющее веко. После падала на кровать, сжимала плюшевого зверька и представляла, как получаю из рук градоначальника позолоченную статуэтку... Как в мае вскрываю желтый конверт, а внутри... Внутри бумаги на стипендию! После я обязательно находила свою фамилию в списках зачисленных в Главный Университет, а лет через пять видела свою книгу на полке в магазине. Только вот какую? В те дни я понятия не имела, о чем хочу писать.

– Да о тебе хотя бы! Десять лет мы дружим. Так много знаю о тебе, а ты обо мне, – бывало приговаривала я, тиская плюшевого зверька и любуясь его угольными глазками—пуговками... После в неудержимом смехе я усаживала игрушку рядом с другими и не забывала проследить об удобстве остальных на полке – куклы с дыркой вместо рта, медвежонка, белой кошки и ушастой собаки с треугольным носом – нажмешь на спрятанную в груди кнопку, и веселый голосок запоет: «Я твой верный друг». О победе на конкурсе, стипендии, рабочем беспорядке, ручках с секретом, «умных книгах» я только мечтала, прекрасно понимая – не светит.

Мой отец—электрик, частенько любящий провести вечер за чтением политической газеты или просмотром спортивной передачи, все смеется и называет желание получить образование наивным:

– Кому нужны твои мыслители, дочь? Если уж надумала тратить, ступай туда, где купюры стригут подобно листьям с капусты. Куда? Правильно – в банк. О...

Мама, скрестив спицы в розовых нитках, судачит:

– Завтра мисс Иделия на чай придет. Обещала устроить на работу к мистеру Солмеру. У него кафе—ресторан на углу. Лучше позаботиться об этом сейчас. Как думаешь?..

Суббота. День первой встречи с Альбертой. Я и Фома обслуживаем посетителей кофейни. Как—то много их нахлынуло в последние часы акции. Всем резко захотелось использовать скидочные купоны, распространенные через интернет—сайт. Только они не знают что, согласно утреннему распоряжению, мы смешиваем кофе и молотый порошок.

– Вы ошиблись, мистер. Нету сливок, – убеждает Фома клиента. – В пятницу на выступление придешь?

– Что играть будете?

– Пятый альбом Группы.

Сверток бумажных салфеток летит из моих рук на дощатый пол.

– Культовый. Содержательный. Переломный.

– Кто вам даст—то?

– А кого спрашивать? Солмеру все равно – лишь бы публика была. Почитатели ретро не перевелись. Пусть лохматые, в рваных джинсах и потных майках. Пошумим часок и разойдемся... Ладно, не парься. Солмер знает, кому заткнуть рот пачкой банкнот.

– Неужели никто из вас не задумывается о большем? И не хочет исполнять свою музыку?

– Ох, как заговорила! Знаешь, сколько требуется вложить денег в красивую обертку? Мы и здешней публике рады.

– Патрик так не считает.

– Все надеется на поддержку Розы. Только кинула она его. Кеннет Пен любит «формы» и «силиконовые губки». Все его артистки одного типажа.

– Туртанчик выделяется среди них.

– Цветом концертного костюма и блеском стразов.

– У него есть неплохие песни. Дуу... шевные...

Спешу прикусить язык – иначе махровое полотенце, которое висит у Фомы на костлявом плече, полетит в мое «туповатое» лицо.

– Найдёт Патрик деньги, и мы попадем в еженедельный топ—сорок. Ясно?

Часы на смене летят как пули из автомата – намолоть зёрна, разровнять ступой, впихнуть ситечко, привести в движение ручку гудящего паром аппарата, взбить молоко в стальном ковшике и обязательно произнести с улыбкой:

– Сахар и трубочки на раздаточном столике.

В половину шестого – короткий технический перерыв. Обычно запираюсь в подсобке, открываю заранее припрятанную на полке за дверью книжку и погружаюсь в загадочный мир психологического романа. Уголки многих страниц смяты, на полях карандашные пометки – кто-то забыл стереть перед тем, как сдать в библиотеку. Но я не отвлекаюсь от действия – спокойно продолжаю читать, мой палец скользит по строчкам, абзацам... Вдруг простое, но такое важное слово... Стена напротив мозолит глаза... Навязчиво гудит лампа... Истекают последние секунды... Я возвращаюсь в шумный зал.

С Альбертой мы заранее условились, что она займет угловой столик. Но там уже сидит кто —то. Неужели она? Пропустила? Вручаю последнему клиенту в очереди коробку с эклерами, прошу Фому подменить и, вытирая руки о черный передник, подбегаю к белокурой девушке.

– Альберта! Я Криста.

– Ой, – опомнилась гостя.

Я переминаюсь с ноги на ногу, Альберта молчит – не может оторваться от белого пятна на завязках пояса – краем стола прикрываю недостаток в униформе. Медленно опускаюсь на свободный стул. Упрямо закинув ногу на ногу, изображаю «умный вид», затем сую в нагрудный карман передника стянутый у Фомы блокнот с измятыми страницами. Альберта с интересом разглядывает растрепанные волосы – приглаживаю их, обветренной губой придавливаю резинку простого карандаша – и этот жест не ускользает от смеющихся глаз подруги. Вытягиваю правую руку и вдруг осознаю, что не следовало этого делать. Пальцы у меня неухоженные, ногти разной длины, заусеницы, и лаком не пользуюсь. Если только прозрачным.

– Ты не говорила, что работаешь в кафе, – шепчет Альберта.

– Приходится. До полудня уроки, днем смена, с девяти до одиннадцати занимаюсь – готовлюсь к майским конкурсам по литературе. Если обыграю ботаника Стивена, то меня на район заявят. Стану лучшей среди местных умников – на общегородской отправят.

– Соревнования? – с удивлением переспросила Альберта. – Мне казалось, что кроме игры «Люди» тебя ничего не интересует.

– Не переживай, выходные как посвящала игре, так и буду, – я вдруг представила в фантазийных облачках залитый голубым светом подиум.

Альберта засмеялась, а я притворилась, что пишу на разлинованных строчках в блокноте.

– Закажи что—нибудь. Мистер Солмер ходит. Усатый мужчина у боковой двери. Видишь?

Альберта повернулась.

– Шеф. Любит выйти в разгар трудового дня и все проверить. – Я пригнулась. – Кажется, «шишку» ищет. Фома болтал, что у входа крутая машина стоит.

Альберта вдруг вся побледнела. Спрятала глаза под стеклами солнцезащитных очков, машинально затянула тряпичной резинкой хвост, пригнулась и зашептала невнятно:

– Твой начальник хочет выдать «шишку» репортерам?

– Сначала пусть найдет. Так, что порекомендовать? Сок неплохой. И ванильное мороженое с шоколадной крошкой стоит попробовать.

Альберта попросила принести ей мороженое.

У стойки я натолкнулась на мистера Солмера. Чуть с ног не сбила. Нужно дальше идти, а не могу. Хозяин кафе смотрит на меня в упор. Фамилию вспоминает?

Я потрясла перед мясистым носом бэйдж. Мистер Солмер отмахнулся и ленивой походкой двинулся к столику у окна. Его заинтересовал мальчик, играющий в тетрис. А его мать, сортирующую покупки в бумажных пакетах, он принудил сделать заказ.

– Пять минут. И мы уйдем, – сказала женщина. – Джимми, малыш, давай мама уберет...

Ребенок капризно замотал лохматой головкой и прижал планшет к груди, к самому сердцу.

– Твой начальник смешон, – весело сказала Альберта. – А тот молодой человек в баре? Кто он? – спросила она и опустила ложку в сдвинутые горкой ванильные шарики.

– Фома. Днем бутерброды и кофе готовит, а по пятницам и субботам на гитаре играет. В десять вечера бар открывается в соседнем здании. Неоновую вывеску-рекламу видела?

– Нет.

– Хорошо, а ты чем занимаешься?

– Бездельничаю. Мамочка каждый день напоминает – учись, читай, расширяй кругозор. Книжки не для меня. Пусть брат читает. Он умный, студент, специальность получает. Я, как бы, не дотягиваю. Окончу школу и уеду.

Альберта сунула в мой передник тысячную купюру, хотя мороженое стоит на... намного дешевле. Я оробела, но стоило отыскать в мятом кармане хрустящую банкноту, поняла, насколько приятна наощупь денежная бумажка.

– Те, кто перебиваются, платят точно по счету. Еще и права клиента покачают. Все им не то. Пакет бумажный, стакан не той вместимости, огурец тонко порезан, музыка от еды отвлекает...

Альберта перебила меня:

– Деньги есть у маман, а я устала зависеть от «золотого» кошелька.

Где-то внутри затаилась опаска. Я спросила осторожно:

– А кто твоя мама?

– Начальница на одном крупном предприятии. Мужчинками руководит. Им не нравится. Вот один и влюбил ее в себя. Она растаяла. Папа сбежал, а ей дела нет. Слушай! – Альберта распустила хвост, бросила очки на потертый стул. Я снова вижу ее глаза, такие живые, улыбочивые, с морщинками в уголках, а потом радость сползла по лицу, от ресниц к подбородку, и искренний смех захватил сознание моей новой подруги. – На всех официальных мероприятиях я выгляжу именно так. Ну, может быть, немного ярче обвожу карандашом контур губ и румяню скулы.

Не знаю, что и сказать...

– Ну?

Я молчу. Не могу припомнить ни одной фотографии с ее лицом в глянцевах журналах. Мисс Иделия все мамины ящики ими заваливает. Придумывает! Ладно я, на бумаге и в виртуальной игре многое сочиняю. Но Альберта!

– Недавно ты говорила о «шишке»...

– Хочешь сказать, что ты она и есть?

– Ну да, – Альберта отдала мне пустую креманку. – «Свора» не решилась войти. Караулят у машины. От одного слышала: «Никуда не денется». А вот и денусь. – Она схватила мой локоть и умоляюще попросила. – Уговори хозяина взять меня на работу. Только я ничего не умею...

– Правда, нужно?

Альберта опустила ресницы.

– Таскать с кухни тарелки и размахивать полотенцем – много ума не надо. Идем...

– Нет, не сегодня, – с опаской проговорила Альберта. – «Чистые документы» не взяла. Я телефончик оставляю. Ты позвони, скажу точно, когда смогу в другой раз приехать.

Я насторожилась:

– У тебя точно все в порядке с законом?

– А что?

– Ну, так для Солмера важно.

– Пусть не волнуется – ворую исключительно по сценарию нашей игры.

Альберта спрятала кошелек в объемной сумке и щелкнула металлическим замком.

– Может, сама признаешься? Кто ты?

– Представится удобный случай, обязательно расскажу, – пообещала она. – Только никому. Проведешь к черному выходу?

На улице мы попрощались и пообещали друг другу созвониться до выходных.

Погода для ранней весны по—летнему теплая и солнечная. Горожане выбрались из душных клеток и теперь дефилируют по живописному бульвару. Кособокая старушка, закутанная в платок, катит клетчатую сумку—тележку с продуктами, девчонка с дредами вихрем несется на роликах, парень в бандане нагоняет ее и преграждает дорогу, мужчина в каске везет груженный пакетами велосипед, женщина в деловом костюме перелистывает документы, девушка в баклажанном пальто несет в руке мороженое, а навстречу – сморщенный старичок. Вдруг он остановился, прищурился, внимательно посмотрел на яркие картинки и потянул в старческих пятнах ладонь. Девушка не прошла мимо – отдала мороженое и вернулась к киоску, но прежде пересчитала в потертom кошельке мелочь. Старик присел на лавочку. Обертку не разорвал, просто приблизил столь желанный подарок к уху и стал слушать, как хрустит шершавая бумага.

Альберта. Наследница

Званный вечер в загородном поместье. Приглашения на ежегодный маскарад секретарь прабабушки отсылает с пометкой: прибыть в платье на кринолине, в камзоле, желательно также иметь масочку, шляпку с пером, веер или тряпичный радикуль. Мне тоже сшили нарядик по старинному лекалу. Только чувствую я себя в нем неловко и никак не могу привыкнуть к необычному образу, когда в один миг оживает центральная иллюстрация к любимой сказке «О петушке». Клаус привозит нас в поместье на большой черной машинке, но папы с нами никогда не бывает, хотя он и обещает маме «присутствовать»...

В спальне родителей полумрак. Горит печальная шапка ночника. Мама в задумчивости грустит. Я обняла ее. Мама вздрогнула, спряталась в тени, но я прекрасно знаю – перед тем как вынуть из тумбочки сборник сказок и положить на коленки, мамочка успела вытереть платочком опухшие глаза.

– Как праздник? – спросила она, едва я забралась в разобранную постельку и закуталась в теплое одеялко.

– Эдди ходил букой, а я веселилась. Прабабушке моя прическа понравилась. Она похвалила няню, только меня не Кларисса заплетала, а ты. Кларисса половину волос растеряет, у нее слабые косички получаются.

Мама молча направила свет от лампы на красочную обложку...

– А когда папа приедет? – спросила я.

Мама открыла страничку, на которой остановилась прошлым вечером...

– Ма... ам!!!

Мама закрыла книжку и повернулась ко мне, дочке. Я увидела ее лицо. Как же ярко блестели эти глаза в темноте. Никогда не видела ее такой... Она снова открыла книжечку и тихим голосом прочла первое предложение:

«Ранним утром петушок вышел на птичий двор...».

Сейчас я заканчиваю выпускной класс и много проблем у мамы с дочкой, которая упирается, вредничает, прогуливает школу, прячется в музыкальном классе и придумывает, как ей кажется, захватывающие и невероятные ритмы. Внезапно приезжает папа. Мон. Вдвоем они опускают несчастное дитя с небес на землю:

– Было уже, – говорят серьезно. И даже год и название пластинки называют. – Потрудись еще.

Помню, что и преподаватель музыки в конце урока имел привычку приглаживать сухой ручонкой волосы, тяжело вздыхать, любоваться отражением в зеркальце и говорить, причмокивая:

– Неплохая пьеска, мисс. Только слышал где—то.

Однажды я заставила маму хорошенько понервничать. Проснулась раньше обычного, идея пришла, как нужно сыграть. Наспех натянула толстый свитерок, спортивные штаны, прокатилась по перилам винтовой лесенки, сорвала белые чехлы с отцовских гитар, барабанов и синтезаторов. Папа строго запрещает прикасаться к его инструментам. Даже пыль вытирать с корпуса не дозволено. Не то, чтобы подключать к усилителям. Но я не слушаюсь – детские барабанчики давно кажутся игрушечными.

Отцовский табурет с сиденьем в форме подушечки для булавок так и манит. Такая есть у Клариссы, только у няни в виде разбитого на две половинки сердечка. В открытом ящике комода барабанные палочки, деревянные, лаком пахнут. Я медленно провожу круглыми наконечниками по запястью и вдруг ощущаю холод, возбуждение – совсем не хочется думать о завтраке и школе – я настроена на придумывание ритмических рисунков и уверена, что смогу сочинить что—то невероятное. И в этот раз папа точно похвалит.

Я сдернула с ударной установки белую накидочку и забралась на табурет. Начала стучать, но внимание привлёк согнувшийся чехол от гитары Стимми Виртуоза – папа с особой бережливостью хранит раритетный инструмент в коллекции. А вот на изогнутой гитарке с оторванной стрункой он играл в начале карьеры, правда, потом сменил на новую, разукрашенную во все цвета радуги. Это случилось после знакомства с мамой.

Необъяснимое подозрение комочком затаилось в груди. Нужно стучать дальше, а не выходит. Я быстро сорвалась с места. Палочки с шумом упали на плиточный пол. Трясущимися руками я дернула собачку молнии... Даже ощупала углы для достоверности.

– Где?

Пустой чехол медленно опустился. Я зажала ладонями уши и напрочь отказалась признавать очевидное. Помню, как папуля поднялся в детскую, но мы с Кристой играли по сети в «Люди». Даже не потрудились снять наушники. И услышала только вторую часть произнесенной им фразы.

– ...детка, я уеду, а недельки через две вернусь. Обещай, что не бросишь репетиции.

«Криста, пауза, вернусь через пару минут», – набрала я сообщение подруге.

– Опять уезжаешь? Но ты только вернулся!

– Мон предложил побренчать на гитарах сольно. Всего шесть концертов. Подумаешь.

– В каких городах будете выступать? По телику покажут?

Отец сказал в ответ:

– Мон организовал тур в Южной Стране, солнышко. Это далеко. Только там мы можем играть, что хотим и как думаем.

– Ты уверял, что «живая музыка» существует вне времени. Помнишь? Купил дочке барабаны, пианино, скрипку, гитару. По приказу мамы моего учителя уволили, но ты обещал заниматься со мной! Каждый день! Думала, не нарушишь слово, как она... и не плакала.

– Ты не разговаривала с мамой недели три...

Я загорелась желанием уехать с ним.

– Можно мне с тобой? Школа – ненавижу ее. Кларисса только и успевает платить учителям, чтобы мне двойки не ставили. А Сара, Джес и Элис – достали! Зовут на вечеринки класса по пятницам. Вечно придумываю причину, чтобы отказаться. Джунгли, солнце, шум бушующих волн и прибрежный запах. Мне нужно это, папа.

– Нет, – вдруг заволновался отец. – У тебя экзамены. Хотя... – он увидел на экране выстроенные на зеленой лужайке домишки. – Что это?

Я загородила экран, но папа сдвинул меня и усмехнулся, когда заметил размером с полмизинца движущегося героя—человечка. Кнопкой мышки он нажал на серебристый холодильник.

– Ты послал Марти, будущего мужа Лизи, готовить еду. Планирую отбить красотку у семьи Кристи. Мы с подругой выстроили виртуальный город. Криста возводит дворцы, а я небольшие, но уютные домики. В крайнем живет семья. Мама – не работает, папа – строитель и садовник. Брат – талантливый математик. И девушку его зовут Стелла. Вот семья Кристи. Мама – владелица салона красоты, папа – городской чиновник, а дети – ученики элитной школы. Мой участок обнесен забором, Криста ограничилась калиткой и часовенкой с острой конечной башенкой.

Папа выпрямился. Экранный Марти по его желанию бросил поливку цветов, спустился с террасы на кухню. Вдруг огонь, пожар!

– Вот черт, – выругалась я и побила ладонью губы. Мне запрещено ругаться даже дома. Главный цензор следит. – У Марти отсутствуют навыки в кулинарии. Он только появился в моей семье...

Папа опустил глаза. И на спине любимый рюкзак повис мешком, и пальцами он волнительно теребил толстый ремень гитары. Только сейчас понимаю, что в тот день он приходил со своим «Стимми».

Я выскочила из музыкально класса и побежала к маме с нетерпимым желанием потребовать признание. У приоткрытой двери остановилась. Прислушалась. Мама, похоже, проснулась. Я наспех собрала волосы в два хвоста с помощью тугих резинок, сдернутых с запястья – мама не выносит, если я захожу в спальню растрепанной, неумытой и одетой неопрятно.

Шепот, тихий смех...

– Папа вернулся, – промелькнуло в голове. Но мама, сидя на диване, пультом переключала каналы. На экране – повтор вчерашнего выпуска шоу талантов. Судьи выбирали лучшего вокалиста. В прошлом году я отправила заявочку, и даже приглашение получила. Но Клаус быстро осадил мой порыв и предупредил маму:

– Небезопасно. Неэффективно.

И как голову при этом задрал, выгнулся. И она сидит такая, в кресле, с подведенными глазами, идеальной причесочкой и в огненно—рыжем костюмчике. На изящной ступне показывается туфелька с острым каблучком. Пальцы барабанят по подлокотнику. А растерянная дочка стоит перед ней. Просит лишь об одном – разреши! И не понимает, почему брату позволено каждую неделю заниматься философией с настоящим профессором, а она вынуждена создавать виртуальные семьи, потому что играть без папы и его друзей скучно. Мама шевелит ручкой. Я подхожу ближе, мама проводит ладонью по щеке, задумчиво приговаривает:

– В другой раз, милая.

Клаус предлагает запереть непослушную дочку дня на три в комнате:

– Безопаснее и эффективнее.

Мама позволяет.

Сейчас она шепчется с кем—то. И не с мужем. Ее голос ласков, а тембр собеседника услужлив.

– Кеннет Пен! – догадалась я. Узнаю его из тысячи! Владелец музыкальной корпорации многих потеснил в должностях, возглавил «Администрацию» и «Большой Совет». Встречи, указы. Все важные документы проходят через него. Но что он делает утром в спальне мамы?

– Лизи, мы победим! А с Южной Страной и музыкантом разберусь до нового года. Останусь на завтрак?

– Дети... Я не говорила им.

Ласковые речи на Кеннета Пена не действуют. Он поднимается с дивана. Одергивает плотную занавесочку и солнечные лучики слепят его.

– Может Эдвину и Альберте скажем, наконец? Общество и советники, так и быть, поживут в неведении. Хотя людям, по большому счету, наплевать, кто твой муж...

– Пойми, сейчас не совсем подходящее время!..

Мама бледнеет. Замечает мой суровый взгляд. Привстает. Я прижимаюсь к холодной стене, через силу контролирую себя – довольно тяжело не реветь у сладкой парочки на глазах, а могу истерику закатить, устроить скандалчик и заставить поволноваться. Но сознание не отпускает одна навязчивая мысль:

«Семья» распалась.

– Альберта, стой! – истошно крикнула мама и вырвалась из объятий человека, которого я отныне считаю врагом.

– Не волнуйся, мама! Я сбегу. Анабель мала, а Эдди занят внедрением в жизнь идей профессора Бойла...

– Куда? – грубо спросила мама.

– Позвоню Мону. Уж он—то знает адрес отца.

«Враг» ухмыльнулся и затянул пояс халата. Демонстративно распахнул дверцу шкафчика над полкой, где папа хранит блокноты, нотную бумагу и коробку с цветными карандашами. Только сейчас я заметила внутри кожаный дипломат, папку с железными кольцами, тетрадку с рыжим следом от кофе на обложке и толстый бумажник. Пен показал графин и как бы случайно пролил воду на упавший со стеллажа ежедневник отца.

– Кеннет... мистер Пен многое делает для нашей безопасности... Ты просто не представляешь...

Я ловко выдернула ладонь из руки мамы. Губы «врага» растянулись в улыбочке. Пен перестал мучить графин, прильнул к мочке женщины, которую вроде как любил, и потребовал закончить нелепый разговор. Мама на минутку пожелала оттолкнуть «врага». Опомнилась. «Враг» и не думал выпускать жертву из ловушки. Обхватил когтистыми лапками талию и не отпускал ко мне, дочке.

– Вы не только студию у папы забрали... Вы... Вы портите всё, к чему прикасаетесь!

Я выбежала на лестничную площадку и вдруг вспомнила о встрече с Кристой.

Какую машину выбрать? Спортивную? Нет, подобная годится только для поездок на пятничные вечеринки к Саре и Джес. Черную с позолоченными ручками? К мамочкиному бомонду на светское мероприятие не собираюсь. А вот эта, поскромнее, и пользуюсь ей чаще других. У меня вошло в привычку разъезжать по ночному Городу без сопровождения, когда небо ясное, дует ветерок с речки и волосы хлещут по щекам. Сегодня журналисты снова вычислили мой маршрут. Не успела припарковаться и ступить на тротуарчик, как кучка любопытных репортеров, окружила меня:

– Прокомментируйте развод!

– Когда Золотой Дворец разместит на сайте официальное заявление?

– Кеннет Пен обещает перемены. Что он хочет сказать, заявляя о публичном обращении к нации в пятницу?

– Почему он, а не «Анри—легенда» сопровождал Элизабетту на открытии торгового центра?

Вспышка. Еще одна. Когда же они отвяжутся! Прикрываю лицо сумочкой и прячусь от глупых вопросов в уютном зале. Звучит тихая музыка. Начинаю понимать, почему мама столько лет прятала нас. Но Эдди умиляется титулом «сын—наследник». Даже Элис собачкой на поводке ходит, лишь бы не оказаться «не в невестах». Однажды с лекций на час раньше приехали. Эдди в профессорском колпаке, обмотавшись шарфиком и нацепив очки, как у Фрэнсиса Бойла, с раскрытой книжкой шагал по коридору, цитировал вслух мыслителя, и вовсе не слышал, как Элис причитала:

– Джес приглашает покататься на лыжах, поехали, будет весело.

Эдди не реагировал. Элис кривила губки:

– Урод.

Затем говорила внятнее:

– Клятвенно обещаю, что друзья с интересом выслушают твои идеи.

Распознав в речи невесты столь важное «готовы выслушать», Эдди отвлекся от чтения и переносицей поправил съехавшие очки. Книжечка тут же оказалась в руке охранника.

– Правда? – поинтересовался он. – Тогда нужно доклад готовить. Времени мало. Если что, я у себя, – сказал мой брат и Элис неожиданно впечаталась в закрытую дверь его комнаты.

Анри. Отец

– Ничего так обстановка. Панели красного дерева. – Мон постучал по выпуклым дощечкам и оценил качество доносившегося звука. – Вытянутая вдоль перегородки барная стойка, кожаные диваны, фотографии в золоченых рамках, возле панорамного окна круглые, сервированные к обеду столики. Подиум – не сказать, что большой, но места для двоих довольно —таки. Пианино, гитара и веселый бармен—перфекционист, смотри, так весь и пыжится над приготовлением коктейля, и хвостик на затылке дрожит. Уверен, что мы здесь играем вечером? И люди горят желанием видеть и слышать Мона и Анри, а не мисс Розы – восходящую поп—королеву танца?

– Именно. Акустическая программа. Все билеты проданы. Кто бы мог подумать? Нам, пожалуйста... – Анри обратился к официанту в рубашке пестрой расцветки.

Мон стянул клетчатую шапочку с козырьком, спрятал очки—хамелеоны в футляр, который прежде вынул из нагрудного кармана кожаной куртки, потер густую бровь и вдруг заметил русоволосую девушку, скромно ютившуюся в самом уголке дивана. Высокий воротник свитера толстой вязки полностью закрывал шею. Голова ее была наклонена на бок – она водила острым стебельком красной гвоздики по строчкам меню.

– Это кто? – спросил он. – Представь—ка меня, друг.

– Полли, знакомься. Мон. Лучший в мире гитарист. Мон, это Полли. Специалист по финансам и переводчик. Разговорились в супермаркете. Случайно.

– Очередь медленно двигалась, – протянула Полли тоскливым, до ужаса ноющим голоском. И не понял Мон, как вообще можно так говорить. – Анри сделал так, что за минуту я оказалась в самом ее начале.

– Полли торопилась на встречу. Мы приятельствуем.

Тут Полли отбросила цветок и без прежнего смущения поцеловала Анри. Он поспешил отстраниться, а она, погрузневшая, отвернулась – в окне краем глаза ей удалось зацепить кусочек оранжевого неба.

– Приятельские отношения значит, ну—ну, – пробормотал Мон.

– Ваш заказ, – торжественно объявил официант.

Мон поднял стакан:

– Кеннет Пен – «урод». Только подумай, друг, я, великий и могущественный, сочиняю поп—певичкам халявные мотивчики о неразделенной любви, а Дон направляет их однотипными драм—партиями «тынц—тынц»! Слушай, друг, не надумал вернуться из изгнания? Нет, постой... Полли, вы знакомы с женой Анри?

Анри замахнулся диванной подушкой. Мон не успел увернуться, и коричневая жидкость, выплеснувшаяся ему на брюки, стремительно пропитала джинсовое колено.

– И кто она? – жалобно всхлипнула Полли.

Анри оставил вопрос без внимания.

– Мон, у Полли привычка не менять цвет шпилек и прибор...

– Я жду...

– В Золотом Дворце и при венце его жена, – недовольно проворчал Мон. – Если бы Анри был примерным мужем и не блуждал как лабух в отсталой стране, были бы мы владельцами

музыкальных студий. Друг, не подскажешь, как найти управляющего? Утрясу кое—какие формальности.

– Его кабинет за углом.

– Поверьте, милая девушка, мы не желаем, но вынуждены прогнуться... – Мон встал и потянул затекшую спину. Анри глянул на него недобро.

– Все сказал? Кажется, ты...

– Иду, иду, друг, – Мон, тяжело наступая, поковылял к коридору за сценой. У стойки он задержался, подмигнул светловолосому бармену с выбритыми висками и заказал любимый напиток. Двойную порцию.

– Можно вас, – кликнула Полли официанта. Юноша тут же отозвался. – У вас имеется журнал?

– Какое издание интересует конкретно?

– Любое с разделом светской хроники.

– Минуту...

– Что ты задумала?

– Пожалуйста, – парень веером разложил на дубовом столе журналы и газеты в пестрых обложках. – Самые читаемые.

Полли сунула под нос Анри глянцевого разворот, в котором с легкостью отыскала снимок его жены.

– Это она?

Элизабетта блистала – ухоженное лицо и смеющиеся бирюзовые глаза. И правое колено выставила! Ее фотографировали в просторном зале, где яркий свет отражает на золоченой отделке стен блики от хрустальных подвесок винтажных люстр. В комнате с более скромным интерьером они вдвоем, счастливые муж и жена стоят у белого рояля в окружении плетеных корзин с живыми цветами.

Шлепок... Журнал полетел за спинку дивана.

– Я ухожу, – промолвила Полли, рукой ощупывая сиденье.

– Полли, не могу всего объяснить, не моя тайна, но пойми, семью я давно потерял, хотя... с детьми общаюсь. Сын звонил на днях узнать, окончена ли работа над свадебной песней. Церемония скоро, а я не придумал ни строчки, но искренне убедил Эдди в обратном...

– Пусти! Мама предупреждала же! – выпалила Полли и неожиданно затихла – вспомнила о таинственном помещении в его доме. Дверь, скрытая от посторонних глаз настенным панно, вела в комнату. Бывало, он запрется внутри и откажется выходить, даже днем. Но однажды ей удалось застать его врасплох. Он, сгорбившись, топтался на пахнущем автомобильной резиной коврике. Правой рукой, которая почему—то дрожала, пытался вставить в замочную скважину ключ, левой – без конца теребил шнурок капюшона в пятнах желтой и зеленой краски.

– Да, моя речь похожа на мальчишеский лепет. Я, такой порядочный, отправил собственного брата в логово очень влиятельных людей. Они не знают слово «нет». Берешь в толк? Роджер поначалу удивился заманчивому предложению, тер упрямый лоб белоснежным платком и не хотел верить в опасность. Позднее опубликовали разгромную статью на творчество Группы – унылые песенки, оказывается, развращают умы, подталкивают подростков к душевным поискам, в куплетах и припевах – ни единого прямого намека на счастье и семейное тепло.

– О!

– ... Бетт голову потеряла, «ночные» командировки участились. Группы больше нет. Как и студии. Прах и тлен!

– Друг, нам заплатят в два раза больше! Здесь работает просто замечательный бармен, – Мон зажал ровными зубами пластмассовую трубочку и повалился на мягкие подушки дивана. – Не помешал?

– Нет, – отрезал Анри.

– Пожалуй, эмигрирую в Южную Страну. Нет, сначала отыграю пару канциков у Розы, заработаю приличный гонорар, а после перееду, освоюсь и журналистам подброшу горячую темку – фанера звучала, ха—ха, а вы уши развесили. Ты же сбежал и неплохо, гляжу, устроился. Не подскажешь, в каком районе дом приобрести?

– Вам вблизи набережной лучше смотреть, – подсказала Полли. – Вечеринки в клубах и барах устраивают каждые выходные. Анри неплохо платят.

– Да что вы говорите! – Мон натянул на голову оставленную им ранее шапочку. – Чем мой лучший друг занимается на чужой земле еще?

– Продает музыку в рекламу. Автоконцерны, пивные заводы, информационные магнаты – все мечтают работать с ним.

– Именно поэтому я и вызвал тебя. Сегодня на выступление придут серьезные люди. Сначала ты, потом остальные. ОК?

Мон надел очки.

– Но Дона и Фелла я обрадую прямо сейчас?

– Да... – Вибрирующий в кармане брюк телефон не дал договорить. Анри глянул – на черном экране высветился номер подруги жены.

– Кто это? – осторожно спросила Полли.

– Помощник одного магната. Шумно. Выйду на улицу. Я быстро.

– Можно с тобой?

– Мон, закажи сок. Полли в восторге от свежавыжатого апельсинового.

– Не беспокойся. Парень с хвостиком подаст в лучшем виде.

Полли вытянулась, но Мон придавил плечи девушки к спинке дивана и подмигнул:

– Кое—что поведаю о друге?

Только в душном коридоре Анри рискнул нажать на кнопку «ответ». В панике задел ногой металлическое ведро, выругался и зацепил локтем синий наконечник швабры так, что половая щетка грохнулась. На шум прибежал помощник бармена, но Анри жестом успокоил его.

– Жасмин.

– Узнал. Звонишь огласить расписание. Позволь, догадаюсь сам. Самолет будет ждать на аэродроме в три. – Анри почесал ухо и оглянулся. В коридоре по—прежнему гулял сквозняк. Мон преданно сторожил Полли. – Увы, не получится. Сольники на полгода вперед расписаны.

– В Городе даже не думай появляться! Человек Клауса найдет тебя...

– Что случилось? – испугался Анри.

– Из архива пропало дело о поджоге студии Группы. Это все, что могу сказать!

– Давняя история. Бетт успокоила страховкой. А мне и ребятам с этих денег что? Головешки!

– Все не так просто, Анри! Жди человека от Клауса.

Жасмин повесила трубку. Длинные гудки посыпались из динамика. Анри задумался. Тот день он запечатлел в памяти, как страшный сон. Приехал ранним утром и наткнулся на обугленные доски, которые еще вчера служили его убежищу надежными стенами. И шумные соседи высыпали на улицу сплетничать, делиться новостями.

– Идет такая, статная, симпатичная. Оглядывается. Проверяет, следят или нет. Лёлё неладное почуял, – мужчина почесал оплывший живот.

– Тебе бы только на баб смотреть, – воскликнула женщина в цветастом платье. – В обтягивающие брюки и мужик мог вырядиться. Идем скорее. Квартиранты поднимутся, а в кухне не прибрано.

– Дамочку я видел! – не унимался дядька. – Лёлё не мог ошибиться!

– Да напился хозяин, ясно. Не работает, как все. Раз в месяц промелькнет на улице небритым, нечесаным. Потом, правда, похорошел. Брюнеточка с сынком стала бывать.

– Бабуль, «Анри—легенда» ведет уединенный образ жизни, – кареглазый подросток просунул голову к людям. Мужчина с животом втянул «малыша» в круг, и парнишка встал смирно.

– То и дело, музыкант! Постоянно шум и гам. Квартиранты плату за комнату просят снизить, видите ли, мешает.

– Да ладно, ба. Ничего ты не понимаешь. Нормальный музон звучал. Как всегда – телек смотреть невозможно, а в затерянном квартале такое.

– Какой еще музон! – возмутилась старуха. – Раскаты грома и бум—бум. Поделом, спокойно жить теперь будем...

Элизабетта. Мать

Он перебрался в мою спальню неожиданно. Мой новый муж. Да... я и не вспомню, когда сменила одного на другого. Пен стал отговоркой, спасательным кругом. Мне казалось, если закрутить роман с ним всерьез, то Анри взбесился бы, перестал гастролировать, организовал слежку, устроил скандал, мы бы поругались, он бы сыграл на гитаре, спел, а потом мы бы наплакались и многое поняли. Одно слово, и «новый муж» окажется за дверью, милый. Но пока в сочиненную сказку должны верить, иначе стойкий с виду карточный домик рухнет.

Пен спрятал голову в подушку, но сипение и громкие вздохи слышны, а меня жутко раздражает монотонный гул. Я отвлеклась от чтения и потормошила Пена. Он и не думал просыпаться. Тогда я стянула съехавшее на пол одеяло и укрыла его. Вот так. Можно и к последней странице газеты вернуться – привычка начинать с конца. Слух мой напряжен... Нет, тишина.

Так, культура. Вечером – незабываемое шоу скандальной поп—звезды Розы. Кажется, нас с Анри приглашали, а Пен слезно умоляет поддержать его главную «звезду».

Светская жизнь. Эдди, нет наследник Эдвин, нанес визит в корпорацию информационного магната – отца невесты.

– Эти люди извлекают выгоду из всего.

Политика. Кеннет Пен победит на выборах в Большой Совет. Ожидаемо. Страна Короля заключит соглашение с Южной Страной. Я глянула на завернутого в одеяло Пена и злобно пробормотала:

– Что ж, отомщу его руками.

В спальне забили старинные часы. Никто за пределами парковой ограды не подозревает о переменах в личной жизни, но слухи ходят, верно. С настоящим Анри, не загримированным двойником, в последний раз я встречалась на ужине в честь открытия благотворительного общества любителей рыбалки. Муж гладил руку, демонстрировал в глазок камеры белоснежные зубы, обаятельную улыбку и вел себя так, будто ничего не происходит. Надеюсь – вечер проведем вместе, поговорим. Нет. После мероприятия Анри сел в автомобиль авиакомпании, я – в служебную машину Клауса. Репортера, успевшего запечатлеть на пленку трогательный момент прощания супругов, принудили опубликовать опровержение, а главному редактору Клаус настоятельно рекомендовал:

– Думайте!

В дни злобы, когда вспыльчивость Пена, ревность, подозрения зашкаливают, бывает, проскользнет сомнение – не он ли подослал журналиста, чтобы возникло основание для официального развода? Не случайно же требует как можно быстрее узаконить отношения, но мне удастся найти причину не поддаваться назойливому нытью. И Анри засыпал сообщениями о чрезмерной занятости. А Жасмин выдала недавно:

– Прикован к креслу.

Где правда? Позднее подруга прояснила смысл сказанного:

– В затяжной депрессии он, отгородился от мира, не издает ни звука, смотрит в одну точку и никому не улыбнется. Даже Полли – девушке, которая за ним ухаживает.

Нет, все иначе. Мой бывший муж распевает на вечных гастролях сольные песенки. Но мне достаточно сознавать, что я помню. Бывает, Пен задержится, а я обязательно воспользуюсь возможностью и пролистну фото-альбом в потрепанной обложке. Сохранились многие снимки, в основном из гастрольного автобуса Группы. Открою и увижу, как скупающий Анри выдавливает красной горкой кетчуп на студийный пульт, пока я болтаю со слушателем «в эфире» – потом пришлось отчитываться перед руководством за посторонних и порчу имущества. Или как он срывается на репетиции, потому что не может сыграть придуманный Феллом рифф, или как в пестром концертном костюме бежит в подсобку тосковать, или как неудержимо ревет обезумевшая толпа, готовая при удобной возможности стянуть моего музыканта со сцены и разорвать на части, крупицы.

Единственный человек, который давал дельные советы – погиб. Клаус уверяет – в письменном столе лесного магната нашли записку с признанием вины: «Совершил много плохих поступков и один хороший – предмет спора уничтожен». Но я намеренно ухожу от этого разговора, предпочитаю думать о цветущих растениях, радуге после дождя, закате на галечном пляже и лунной ряби на воде. Меня заботит затянувшаяся реконструкция оранжереи. И не могу решить, строить арку на потолке в рабочем флигеле или нет, приказать клеить виниловые обои или шелкографию, играть свадьбу сына в Городе или на Острове, пригласить репетитора по математике из Университета или позвать знакомого Фрэнсиса Бойла, стоит улаживать скандал с прессой, в который ввязалась Альберта или не вмешиваться? Старшая дочь совсем отбилась от рук. То пирсинг в бровь вставит, то на благотворительном концерте споет и «опустит» дерзкими словечками магнатов, то пьяной окунется в ледяную воду паркового пруда на глазах у друзей. Хорошо, что Эдвин вырос послушным, но и он частенько на страницах газет вступает в жесткую полемику с Жаком Силано. Сын только и ждет осени – в Большом Совете огласят имя того, кто получит место стажера.

На первой полосе – сенсация – новые факты в деле о поджоге студии «Анри-легенды». И скандальные заголовки, затрагивающие мою честь и доброе имя. Жаль я не Пен. Он умеет потешаться над газетчиками, бывает, и планом поделится, как будет давить всех, кто посмеет встать на пути.

Какое число? Двадцать пятое! Публичное заседание! Пен проснулся! Сначала из—под одеяла выползла его рука, затем он сам. Пухлые губы потянулись к моей ладони. Я бросила газету на коврик.

– Ну же, – шептал Пен.

– Не стоит, – вяло ответила я. – Отец собирается перебежать нам дорогу – я знаю о соглашении с Южной Страной. Пусти. Мне нужно увидеться с магнатом Лоисом.

– К черту мерзкого засланца-торгаша, – протянул Пен, сдавливая мое запястье. Я подняла свободную руку, чтобы нанести удар – лишь бы Пен ослабил пыл, но он догадался о намерениях, отпустил меня и лег на спину. – Откуда тебе известно о сговоре?

Я показала статью. Пен закатил вмиг обезумевшие глаза и сжал край одеяла – синие жилы проступили в налитом гневом кулаке.

– Твой муженек в деле. Всех стоящих музыкантов переманил. Здесь качественно прорекламировали серию летних фестивалей с легендами, как мои проморгали, не понимаю, и угадай, кто скупил все билеты?

О чем он? Мон прикрывается именем моего Анри?

– Поклонники Группы! Выступление ветеранов не подтверждено, но имя «Анри—легенда» манит всех. Противники хороши! Угадай, куда туристы поедут летом – на вконец надоевший Остров с его пляжными вечеринками и пьяным угаром или в страну, где качественно разрекламировали историю, культуру, живописную природу, прогулки у диких скал под аккомпанемент акустической гитары? Но не переживай. Кеннет Пен знает, как привести предателей в чувство. Получила результаты обследования?

– Я не беременна. Увы.

Лицо Пена скисло.

– Два года и никакого результата.

– Если сына от первого брака недостаточно, то Анабель за ужином назвала тебя папой.

Припоминаешь?

– Пойми – нормально, что я желаю иметь общих детей с той, которую люблю.

Я откинула одеяло, опустила ноги и ощутила холод пола, словно время перенесло меня в средневековый замок. И под ногами тяжелые каменные плиты, а не натертый до блеска паркет. Где же тапочки?

Пен вцепился в мой локоть.

– Что еще? Я же объяснила – опаздываю. В полдень заседание, более для нас значимое, чем месть предателю—музыканту. Вечером – концерт Розы. Иду с Анри... С его двойником.

– Боже, когда этот фарс закончится, и мы заживем нормальной жизнью? А? – Пен натянул халат, и его лицо склонилось над моим. Горячий пар дыхания, смешанный с перегаром, защекотал шею. В моей власти оттолкнуть... указать место...

– Встречи с Анри – не мой каприз, – еле слышно произнесла я. – Хочешь перемен – заставь народ любить тебя. Или продолжишь искренне верить, что получишь мандат благодаря «овальным руководителям»?

Пен засмеялся и опустил меня, пугливую жертву, из сотканной им паутины на землю:

– Помнится, у нас уговор. По доброте душевной и воле общественной терплю жалкого музыканта в нашей совместной жизни. Мог бы прямое условие поставить – будешь думать о бывшем – сделка отменяется. Все, пошла.

От резких движений Пена я оступилась, но равновесие удержала.

– Займись речью, – гневно бросила я. – Сначала советники. После ... – Нет, не выходит произнести вслух имя «Анри». Я собрала волосы в хвост и прислушалась к хрустящему шороху за перегородкой. Нет, показалось. В ванной опустилась на чугунный бортик. Вода вытекала из крана прозрачной струей, а я рыдала, как девчонка.

К овалному заседанию подготовили основательно. Внешне. Новый костюм сел идеально, в пышных локонах, вздернутых кверху, не было ни единого изъяна и туфли не давили на пятку.

– Проще лицо! – командовала Жасмин, успевая одновременно раздавать поручения стилистам и секретарю. – Ну, же! Притворяйся, играй. Иначе... Здесь подписи не хватает, а в пятом абзаце лексическая несочетаемость... времени мало. – Жасмин сверилась с наручными часами.

Волнение пронизывает с головы до пят, и не получается естественно изображать состояние полного отчуждения. Я распрямила затекшие плечи, подтянула воротник, застегнула на талии круглую пуговицу и попала на глаза подруге.

– Взгляд! – напомнила Жасмин.

Я сосредоточилась. Два зрачка в бирюзовой радужке под длинными ресницами хаотично заматались – и не подумаешь, что вменяема.

– Распушу заседания, – вяло прошептала я собственному отражению и позволила себе, пока не видит Жасмин, натянуть на губы грустную, но улыбку. Но Жасмин покачала исхудалым пальцем:

– Ты возглавишь эту структуру, как хотел твой дед!

Резная дверь отворилась.

– Выходим, – отчеканил Клаус в динамик рации и уступил мне дорогу. Я увидела полуосвещенный коридор с мигающей лампой дневного света на потолке. Подумала немного, затем решительно переступила черту. У правой стороны крыльца под зеленым тентом ждал лакированный автомобиль. Охранник в приглаженном костюме скучал. Другой притоптывал каблу-

ком и переписывался в чате по телефону. Заметив требовательный взгляд напарника, тут же спрятал игрушку в карман пиджака и толкнул плечо заснувшего водителя. Козырек кепки дёрнулся, и мускулистая рука потянулась к вертушке радиоприемника приглушить громкость. Я не успела опомниться, а Клаус успел втолкнуть меня в пахнувший кожей салон.

Центральные улицы Города встретили привычной суетой будничного дня. Заторможенное движение. Гул выхлопных труб. Запыленный воздух, замершие куски грязи, дорожные знаки, когда-то давно облитые реагентами, спецтехника, выпрыскивающая струи воды на выбеленный асфальт, писклявый голосок певицы Розы вперемешку с душевными песнями Туртанчика, прогнозом погоды и бранными словами от владельцев запыленных малолитражек в адрес угрюмого сотрудника в форме, регулирующего движение на перекрестке. «Супермен» на торце кирпичной пятиэтажки готов замахнуться в противника огненным шаром, на рекламном щите актер в конусообразной шляпе волшебника катит по краю скрюченной подушечки пальца серебряник, золотой купол Собора тянется острым шпилем к синему небу. Туристы ожидают гида возле живой изгороди. Административное здание с затемненными окнами виднеется в лобовом стекле. Главный фасад украшают три флага – Страны Королевы, Семьи и Большого Совета. На кованую ограду напирают журналисты с камерами и микрофонами. Активисты трясут плакатами на фанерных досках – одни поддерживают Большой Совет, другие принуждают оправдать «Элизабетту», а третьи, самая немногочисленная группа, голосит лозунгами—цитатами:

«Предоставьте слово наследнику Эдвину!»

Мой легкий шарф скользнул вдоль ключицы. Водитель резко свернул в переулок и припарковался у боковой двери. По команде мне разрешили покинуть машину. Внутри просторного холла пахло сыростью. Ввиду отсутствия лифта на последний этаж пришлось подниматься по недавно отреставрированной лестнице.

– Осторожно, мраморные ступени скользкие, – предупредил Клаус.

Я положила ладонь на безмолвные перила и оглянулась. На площадке первого этажа никого – но ощущение, что кто-то смотрит в затылок, не покидало.

В зал заседаний вошла последней. На восходящих амфитеатром деревянных скамьях расположились советники, за овальным столом, в самом центре, руководители, а на балконах, выступающих из стен – журналисты. Операторы без конца перемещаются в поисках отличного ракурса – снятые кадры потом демонстрируют в прямом эфире на плазменных экранах в Парке. Первый справа обошел круглый стол, пожал руки друзьям-магнатам, затем моему отцу – он сговорился с ними, советниками, и его появление означает, что он поддерживает их. Глазок камеры внимательно следит за перемещениями первого справа. Журналисты с нетерпением ждут фактического подтверждения утренней сенсации. Довольный советник потягивает галстук и занимает место на трибуне. Я с ухмылкой поглядываю на шишковатый лоб.

– Речь моя похожа на судебную, – произнес первый справа и запнулся. По рядам промчался недоверчивый шепот. Магнат Лоис на гостевом балконе безнадежно шевельнул приподнятой кверху ладонью. – В зал приглашаются люди, которые согласились объяснить суть взволновавших многих утренних заголовков. – Взгляд на меня. Я сижу неподвижно. – Ряд серьезных скандалов сформировали у прессы негативное мнение об институте власти. Факты покажутся нелепыми, но преданная Большому Совету команда готова обнародовать результаты расследования, в общем—то, подтверждающие эту нелепость. Предлагаю послушать свидетелей. Прошу.

Вошли двое – пятившийся как рак седоватый мужчина в очках с толстыми линзами и женщина. Заношенный плащ висел на ней мешком, и она спешно расстегивала крупные пуговицы, чтобы было не так заметно. «Седоватый» почесал затылок, зевнул, а затем ответил на вопрос советника:

– Громкая музыка днем и ночью! Невыносимо! Подавали жалобу, но наши заявления странным образом терялись. Впрочем, как и других жителей улицы.

Жена перебила мужа:

– Я сразу его признала, хотя он именем другим назывался, сейчас не вспомню каким.

– Можете подробно рассказать, свидетелями каких событий вы стали в ночь с субботы на воскресенье семь лет назад?

– Да, – подтвердил «седоватый». – Наши играли с Альбертовскими. Затянулся матч. Вдруг чувствую, гарью и дымом воняет. О футболе забыл мгновенно. Вскочил. Выглянул во двор. Смотрю, окна дома—студии в огне. Я незамедлительно вызвал пожарную службу, потом разбудил жену. Мы вылетели на улицу. Смотрим, к почтовому ящику на калитке прислонилась дамочка. Богато разодетая. Стоит, такая, и наблюдает, как языки пламени яростно танцуют в ночной мгле.

– Вы узнали ее?

– Леди и не пыталась прятать лицо.

– То есть вы готовы огласить имя?

– Конечно, – перебила первого справа жена «седоватого». – Это была она. – Сучковатый палец устался на меня.

– Что она делала? Как вела себя?

– Сказали же, торчала у нашей калитки. Вдруг углядела нас и прыть к машине.

– При этом вопила: Анри!

– И причитала: Что же я наделала?!

– На выпяченные ладони «зырила»!

– На человека она в тот момент мало походила.

Хоровое «О» пронеслось по душному залу со спертым воздухом. Особо чувствительные дамы—чиновницы принялись трясти бумажными веерами, а та, что сидела в четвертом ряду с пунцовыми щеками, без конца крутила начесанной головой в поиске вентиляционной щели. Глазок камеры переместили на меня. Первый справа отпустил «седоватого». В зал пригласили следователя, который вел дело о поджоге. Мужчина в форме прищурил левый глаз и доложил:

– У меня был приказ – как можно быстрее закрыть дело. Именно так я и поступил.

Следующей была горничная, заменившая Энни. Точеная девчонка не постеснялась обвинить меня во вспыльчивости и частых переменах настроения. Удалось найти и косметолога, уволенную Клаусом за слив газетчикам частной информации. Располневшая в талии мисс Смайли явилась на заседание в меховом мантии и шляпе. Широкими полями она тщательно прикрывала опухшее лицо.

– Два года назад мне поручили найти ученого, который бы изобрел быстрый способ омоложения. – Мисс Смайли сняла кружевные перчатки и крепко сжала изящными пальчиками металлическую застежку миниатюрной сумочки. – Я не смогла отыскать такого специалиста. – В милой ручке появился вышитый по краю платок и тут же исчез. – Меня уволили. Без выходного пособия, – мисс Смайли заплакала, нервными движениями запихнула платок в сумочку и выбежала прочь. Трибуну занял последний свидетель, мистер Клуни, семейный врач. Мужчина невнятно пробубнил, что ему было поручено разыскать контакты порядочного специалиста по душевным расстройствам, который бы не болтал.

– Как исполняющий обязанности председателя Большого Совета, – уверенно произнес первый справа, – предлагаю вынести на голосование возможность ликвидации соответствующего параграфа и оставить Элизабетте Смит-Андре номинальные функции представления института власти на благотворительных и других важных мероприятиях. По состоянию здоровья, которое свидетельствуют письменно и устно несколько человек, отныне решения ее не могут быть восприняты всерьез. Прошу вас, голосуем! Кто...

– Стойте, – я перебила первого справа и поднялась с жесткого стула. Камеры перенаправили в мою сторону. – Пункт 1.7. Я имею право на ответное слово, – я подошла к трибуне. – Не так ли?

Первый справа замешкался и неохотно уступил мне место.

– Полная клевета! – обратилась я к сидящим в зале. – Прошу, мой первый свидетель. – Взмах рукой. От стойки охраны отделился Клаус и спешно вынул из пакета прямоугольный предмет. Положил на кафедру. – Исповедь в единственном экземпляре. Авторство принадлежит мне. Если уж так интересны подробности моей частной жизни, то вот, пожалуйста, из первых уст. – Я потрясла книжкой. – Хотите послушать? Да без проблем. Пожалуй, зачитаю пару интересных глав. Да... Удивлена, насколько мы далеки от тех, кем должны управлять...

Советники—мужчины громко вздохнули. Чувствительные женщины соотнесли положение стрелок на круглых часах с толщиной переплета и усиленно замахали веерами. Операторы по команде режиссера передали на экраны крупный план обложки и мое лицо, сумевшее сохранить самообладание. «Руководители» за овальным столом выпрямили согнутые спины, а первый справа с морщинками и бездушными глазенками походил на высохшего сверчка.

– Начнем? – еще раз поинтересовалась я. В ответ гробовое молчание.

После Клаус впустил в зал Анри. Мой бывший муж сообщил:

– В ночь, когда случился пожар, мы с женой были дома.

Советники набросились на него:

– Мы не можем верить без фактов.

– Докажите!

– Кто может подтвердить, во сколько вы сами покинули студию?

– Водитель заехал за мной в девятом часу, – ответил Анри.

– Супруги Крост утверждают иное. К тому же вы получили немалую сумму страховки...

Вы нуждались в тот год в средствах? Отчетные документы показывают, что вы немало вкладывали в начинающие проекты и терпели убытки. Подозревается сокрытие доходов...

– Я не обязан комментировать факты, не имеющие отношения к делу, – Анри поджал губы.

Первый справа оскалился.

– Я привык докапываться до правды, знаете ли. И ваш случай не исключение. – Он одернул рукав пиджака и оглянулся, едва уловил смешок магната Лоиса на гостевом балконе. Грозный взгляд, и Лоис замолк.

– По—вашему, моя правда звучит неоднозначно? Не переживайте, я подготовился. Предлагаю послушать, что скажут жители улицы, где я арендовал дом под студию. Некоторых почему—то забыли пригласить.

Вошел молодой человек с наушниками, сутулый пенсионер в вязаной безрукавке и женщина с внешностью учительницы истории. Втроем они опровергли доводы свидетелей первого справа. Затем и мистер Клуни «взял слова обратно». Врач заявил о давлении неизвестных лиц, которые шантажировали его безопасностью жены и дочери...

Чиновники, магнаты, журналисты, публика на балконах, сидевшие на скамьях дамы зашептались. Некоторые прямо заявляли – мы не допустим, чтобы нашим мнением манипулировали, устраивая публичный цирк. Другие голосили в мою поддержку, а были и такие, кто настойчиво требовал назначить первого справа председателем Большого Совета.

– Голосование!

Первый справа ударил деревянным молотком по крышке стола.

– Кто голосует за ликвидацию параграфа, опускает в сосуд розовый билет, кто против – голубой. Воздержавшиеся молчат.

Ответственные секретари в порядке очереди принимали у советников бюллетени. Глазок камеры старался фиксировать выражение лица каждого чиновника и цвет его билета. Затем уполномоченный сотрудник опрокинул ящик и вывалил содержимое на дубовый стол.

Открытый подсчет голосов...

– Большинство «за» ликвидацию параграфа! – проголосил первый справа.

– Открытое голосование на должность Председателя Большого Совета! – объявил второй слева. – Кеннет Пен против Чарльза Брауна... Внимание! Большинством голосов побеждает мистер Кеннет Пен!

Чиновники и магнаты торопились покинуть зал. Операторы гасили камеры, особо впечатлительные причитали, охали и жалели сверженную правительницу. Кеннет Пен торопливо поднялся на трибуну и неожиданно заявил:

– Требую перерыв и повторное голосование!

– Вы не можете, – возразил ему первый справа.

– Пункт 2.4 Свода Законов. Действующих. Я могу отказаться от должности в течение трех часов, если возникнут сомнения. Требую беседу и перерыв!

Первый справа ударил молотком.

– Перерыв.

Чиновники тяжело выдохнули. Веера дам застыли в воздухе. Клаус проводил меня в комнату со спущенными шторами. Первый справа, восседая во главе овального стола, отчитывал Кеннета Пена:

– Сядьте, мистер Пен! Ваше заявление не планировалось! Что бы вы ни сказали в защиту этой особы, более не имеющей прав на номер «тринадцатый по центру», отныне единогласным решением она исключена из числа «руководителей»!

Кеннет Пен поджал губы и посмотрел на меня – я уверенно отодвигала свой стул.

– Прошу не спешить с громкими заявлениями, а прежде внимательно ознакомиться с содержанием моих документов. – Я показала черную папку. – Мистер Пен, вручите.

Кеннет Пен сорвался с места, услужливо отвесил поклон и раздал «руководителям» копии бумаг. Советники погрузились в чтение.

– Что это? – первый справа нахмурился. Его лицо стало матово-бледным.

– Отныне ваши семейные предприятия принадлежат мне, мистеру Кеннету Пену и Лесной Корпорации. Интересы моего мужа представляет мистер Роджер Смит.

– Как так? – возмутился пятый слева.

– Ничего не понимаю, – шестой справа отбросил бумаги. – Розыгрыш!

– Заговор!

– Быть такого не может! Я никому не продавал корпорацию.

– Верно, – заметил Кеннет Пен. – Никто из вас ничего не продавал. Пока. Но сделка состоится. Иначе...

– В три тридцать мистер Клаус отдает команду о публикации фотокопий архива Леона Андре, моего деда... В приемной дежурит вооруженный отряд.

– Объясните, что за бред несет эта дамочка? – возмутился четвертый слева. – Можно было и не собирать свидетелей. И так ясно, что она безумна!

– Тетрадки дед передал на хранение мне, а не лесному магнату – человеку, которого ликвидировали по вашему приказу за своеволие. Но запугивать старыми грехами многих из вас бессмысленно, поэтому я отменяю ежемесячную дань, но взамен требую подпись на документах о продаже. Будьте уверены, компенсацию получите на личные счета к утру следующего понедельника. Мистер Пен, прошу.

Советники зашумели. Дорогие костюмы заерзали на потертом пластике.

– Возмутительно!

– Она покупает пустышку!

– Кто желает избежать ареста, может подать заявку и сохранить за собой место в управлении. Соглашением предусмотрено...

– Я!

– Я!

– Я!

– Успокойтесь, коллеги, дамочка блефует! – Высушенный сверчок боролся до последнего.

– Спасаемся, господа!..

Я бросила на колени главного советника копию тетрадки с наклейкой «первый справа». Показала зубы. Восемь поднятых рук потянулись к потолку. Яркий луч света от люстры над столом бил в лицо каждому. Кеннет Пен раздавал советникам пластиковые папки.

– Оригиналы, не запачкайте, будьте аккуратными, – причитал он. – И думайте, прошу вас, как изменить результаты голосования.

– Подавитесь, – процедил первый справа. Он без колебаний расписался на документе и встал. Бывшие руководители были заняты распределением должностей, а «советник» выпрямил горбатую спину и уверенно зашагал к двери. Человек в военной форме появился из темноты приемной, перегородил ему дорогу. Глянул на меня. Я молчала. Первый справа вытянул руки. Я едва заметно наклонила голову...

Криста. Студентка

– Какая она? Твоя мама?

Альберта замялась.

– Мама? Тебе интересно?

– Да...

Подходит Фома и в окружении друзей. Сам он в кожаных штанах, длинные волосы распустил и куртку снял – татуировки рассыпаны по всему телу.

– Знакомьтесь, Альберта, – представила я подругу. – Патрик, Морган.

– Морган на звуке и примочках, – пояснил Фома. – Патрик – на вокале и ритм—гитаре.

Альберта рукой задела бокал с пивом. Пенистый напиток медленно расплзся по деревянной столешнице.

– Вы, правда, играете не радишные хиты? – спросила она излишне кокетливым голоском.

Морган почесал подбородок и отступил в тень. Патрик пригладил пепельные волосы – примялись, и двинулся моей подруге навстречу. Альберта едва заметила его, тут же дар речи потеряла. И бирюзовые глаза от радости заслезились. Она запрыгнула на табурет и испачкала локоть в пенной луже.

– Ваш напиток пролился, – сказал Патрик и футболка сползла с его плеча.

– Интересная картинка, – скромно заметила Альберта, взглядом показывая на татуировку – ангела в длинных одеяниях, который замахивается мечом в злобного противника.

Патрик быстро натянул рукав. Жестом приказал бармену подать напитки.

– Альби, нам пора, – вмешалась я в разговор. Мои планы рушатся. Не могу закончить главу. Она что, вот так и собирается болтать с ним?

Морган потер вспотевшее лицо бумажной салфеткой. Фома повел его к погруженному в темноту подиуму:

– Комбик барахлит. Посмотришь?

– Давно менять нужно.

– Где бабосы взять?

– Пату скажи. Решит проблему.

– Альби! – кричу я.

Альберта не реагирует. Подносит стакан к губам. Мутный напиток струей выливается на бордовую кофту. Блестящую. Теперь, когда я знаю, кто она, мне нет дела до пятен – у нее,

наверное, от одежды шкафы ломаются. И Патрику все равно. Только вертится на табурете и демонстрирует подтянутую фигуру. Майка совсем задралась. И в кожаные брюки всунут ремень с металлическими заклёпками. Альберта совсем тает, если осторожно поглядывает на плоский живот.

– Времени мало. Поболтаешь со мной после отвязки на сцене?

– О! – воскликнула Альберта. – Новичок так сразу обещает завод и драйв?

Патрик улыбнулся и послал ей в ответ воздушный поцелуй, затем ловко запрыгнул на подиум. Пьяные люди за столиками загудели. Они требовали музыку. И повеселее.

Альберта вздохнула и мечтательно посмотрела на стеклянные полки, где в ряд были выставлены бутылки с цветными этикетками. Ребята начали играть вступление. Совсем как на пластинке Группы. Альберта оживилась. За стойкой она сидеть уже точно не планировала.

– Ты обещала рассказать о маме, – напомнила я.

– Как раз песня о ней, маман. Веселое хочешь? На пятом этаже галерея. В ряд вывешены портреты: прабабушкин, мамин, брата, сестры, мой и папин. Представь, он в парике и титульных лентах! Полгода моя мамочка за ним бегала – уговаривала дать согласие позировать художнику в приличном виде. Приедешь в гости – посмеешься от души... Забыла, исповедь – интересно, почитай. Только верни побыстрее. Заметит, что стащила...

Я прижала к груди столь ценную книгу. Пробежала глазами первую страницу, но взволнованный голос Альби отвлек:

– Вот это песенка! – воскликнула Альберта и, вытянув руки, побежала к подиуму. На куплете ей удалось протиснуться в самое пекло, а на припеве она «растворилась» в безликой толпе. Над сценой вспыхнули красно—желтые лучи света. Лампочки на потолке криво вращались и иногда застывали, освещая чью—то волосатую голову. Я присела на табурет и погрузилась в чтение.

«– Любимый сынок и старшая дочь! Забыли, к какой семье принадлежат? Или как? Чему их няньки учили? Хамить, грубить?»

Я отложила приборы – Пен не в духе, раз надумал поскандальить за ужином.

– Почему ты завелся?

– Отвечай, какой план вынашивают твои дети?

– Бред!

– Ты помогаешь им! – Пен не унимался.

Анабель с тревогой в ясных глазках вцепилась холодными ручками в мою руку.

– Прошу, не ругайся при ребенке!

– Я после поговорю с тобой, – сказал Пен и до утра мы не виделись.

Идеальный план дал трещину. Было так замечательно чувствовать себя пусть и не гласным, но правителем. Навстречу идут люди. Приветствуют, улыбаются, интересуются настроением, желают хорошего вечера, уступают дорогу. Многие догадываются о наших с ним отношениях, но никто не решается спросить прямо: а где он провел ночь, завтракал, обедал, ужинал? И Пена задевает безразличие. Он бы сказал правду, все как есть.

Пен входит в кабинет и хлопает дверью. За окном – безмолвная тишина и унылая пустота. На верхней полке стеллажа среди книг и сувенирных статуэток затерялась пузатая бутылка. Не раздумывая, он хватает спиртное и погружается в глубину объемного кресла. Откручивает стеклянную пробку в форме цветка—лотоса, истерично смеется, кружится. Сейчас, когда крепкий напиток обжигает горло и думать хорошо, и радостно на душе и проблемы как будто испаряются сами собой. Бесследно, как свет от сторожевых фонарей на посту охраны, который, точно мелькая, рассеивается в ночной мгле.

Единственный сын Льюиса Пена. Отец передал в управление «глыбу», которую не под силу сдвинуть с пьедестала никому, даже выскочке Туртану. Выпущенные под торговой мар-

кой «Кеннет Пен» пластинки формируют вкус большинства. С ним считаются влиятельные чиновники, и даже Я, та, которая вздрагивает по ночам, если он вздумает приблизиться.

Первый рабочий день. Металлические двери скоростного лифта открываются на последнем этаже остекленного и утопающего в солнечных лучах здания. «Наследника» окружают любопытные сотрудники. Сходу закидывают идеями, требуют увеличить финансирование особо крупных проектов. Симпатичная на лицо секретарша ведет в просторный кабинет, а он любуется высотой изящного каблука и ямочками, оставленными на мягком ковре.

– Докажите свою полезность, и я сохраню за вами место, – резко говорит он на первом своем совещании.

Улыбочка... И в корпорации началась «кровавая бойня». А Пену доставляет невероятное удовольствие видеть, как замы быются в ожесточенных схватках в попытке привлечь ЕГО внимание. Он выбрал «Билли» и не прогадал. С первых нот этот беспринципный человек чувствует, кто будет продаваться, а кого следует слить в утиль. А стратегия «дарить» Туртану якобы успешных новичков! В этом Билли преуспел. Роза! И где малыш Бил откопал драгоценный бриллиант, могущий петь о проблемах любой женщины и при этом зажигательно танцевать?

Иногда Пен грешит, облачается в джинсы, футболку, толстовку и едет на концерт к Солмеру. Нет, он не отсиживается на балконе с бокалом шампанского. В подобных заведениях площадью шесть на восемь отдельные ложи не предусмотрены. Он проникает в самую глубь возбужденной толпы и внимательно слушает.

Отблески фонарей на мутном стекле рисуют мой силуэт. Опыневшему Пену всерьез кажется, что ореол свечения принадлежит мне. Он тянет руку и воображает, что гладит мое лицо, откидывает челку со лба. Утром я оттолкнула его, и он вдруг засомневался, что поступил правильно, как нужно. Пен сомкнул веки, открыл. Я исчезла. Он вздохнул и решил, что не может позволить себе ностальгировать, сомневаться. На его банковском счету лежат миллионы. И он не знает, куда их тратить. Присвоил всё, что пожелал. Но если Страна Королевы падет к ногам Пена, мне придется...».

Я спрятала книгу в холщевой сумке – Альберта вернулась.

– Поговори с Фомой. Хочу играть с этими парнишками! – проорала она мне в ухо.

– Почему я?

– Вы дружите...

– Смотри, мистер Солмер. Подойдем?

Альберта отмахнулась... Улыбочка на пол-лица:

– Я передумала. Пат же неплохо зарабатывает, исполняя чужие песни?

– Думаю, да.

– Хотя постой...

– О чем ты? – испугалась я. В милой головке поселилась очередная безумная идея.

– Увидишь, – сказала Альберта. – В следующую пятницу я буду тусоваться уже на сцене...

Но Альберту в команду не взяли. Не удалось ей смягчить сердца четверых мужиков – и упрашивала она, и кокетничала, и флиртвала, и удивила виртуозной игрой на барабанах. Нет, и все. У них мужской коллектив.

– А на репетицию возьмете? – молила сжалиться подруга.

– Диктуй адрес. Заберем утром.

Альберта написала на салфетке мой. Пришлось организовать «наследнице» ночевку в моем доме. Я заранее притащила в комнату раскладушку, на чердаке откопала в сундуке старое ватное одеяло, в шкафу нашелся затерявшийся подарок бабушки – комплект ситцевого белья. И мама засуетилась – что испечь, приготовить.

– Мы должны быть гостеприимными, хозяйственными, дочка, – причитала она. – Как бы все устроить? Бутерброды запечь в духовке? Тарелку с ветчиной и сыром зеленую и листьями салата украсить? Торт испечь? С каким кремом? Отец, в подпол лезь...

– Сейчас, иду, – откликнулся папа из глубины комнаты и прибавил громкость на телевизоре.

Не припоминаю, чтобы мама так переживала и волновалась, если ждала на ужин соседок. Или подруг на чай в субботу. К приходу гостей она всегда накрывает стол в большой комнате, вынимает «фамильный сервиз», делает розочки из кружевных салфеток, начищает до блеска десертные вилки, ложки, печет яблочный пирог, медовые корзинки... Фоном играет радио, едва слышное. Подруги беседуют на непринужденные темы, хвалят кулинарные способности мамы, а мисс Иделия, стремясь во всем походить на даму из великосветского общества, демонстрирует безупречно сидящий на точеной фигуре брючный костюм или просит поддержать в трудную минуту – всегда у этой важной женщины случаются неприятности. Поправится на сантиметр в талии, у новых туфель каблук отвалится в ливень, сапоги в первый день ноги натрут, фитнес—зал неожиданно закроют на ремонт, из косметического салона уволится болтливый мастер маникюра.

Обстановка моей комнаты восхитила Альберту. Ее заинтересовал поющий пес. Она нажала на кнопку, спрятанную под коричневой жилеткой, и мой плюшевый друг запел детскую песню о дружбе. Альберта мило улыбнулась, провела рукой по цветным корешкам книг на полке, в тумбочке нашла начатый роман о душевных поисках собирателя приключений, мельком пролистала пару страниц и бросила на коврик. Затем сказала задумчиво:

– Личная библиотека, зверьки, столик, компьютер... Миленько!

– Патрик знает о титуле?

Альберта молчит.

– Хочешь сказать, что признаваться не собираешься?

– Не переживай, повеселимся потом. Вместе.

– Боишься, мама не одобрит друзей из подвала?

Альберта скривила лицо. Темно-вишневые губы зашептали:

– Маман примет всех с распростертыми объятиями – две недели я пай—девочка!

Эдвин. Наследник

Они встретились в малой гостиной накануне. Пен вальяжно развалился в любимом кресле его матери.

– Садись, – с полуслова бросил избранный председатель. Эдвин был вынужден повиноваться.

Минута... Вторая... Разговор не клеился. И беседовать особого желания не возникало. Если только притворятся и наблюдать за человеком, который самодовольно моргнул, закатил манжеты рубашки, расстегнул тесный жилет, потому что поправился и не успел купить новый, подкрутил стрелки часов... Взял со стола газету...

– Мы с Лиззи надумали зарегистрировать отношения, – произнес он. – Что скажешь?

Эдвин поперхнулся.

– Не понимаю, зачем вам моё мнение, если вы решили?

– Лиззи сомневается, а если попросишь ты... Любимый сын. Мы же неплохо ладим?

– Не..а! – отрезал Эдвин.

– Я не прошу о поддержке, а требую! – воскликнул Пен.

Эдвин скривился на своем стуле. Он молчал и смотрел, как Пен шелестит страницами, такими тонко-серенькими, с кричащими заголовками и множеством картинок на первой полосе.

– Уяснил, мальчик? – Пен отбросил газету, расстегнул ворот рубашки, глотнул воды. Эдвин не спешил отвечать.

– Похоже, должность стажера получит Жак. Старшая сестрица при первой возможности ищет безумца—папашу. Жаль, что и ты туда же, наследник. Поверь, никто не сможет гарантировать титул матери, если она разведется. Но у меня вот были планы отстоять интересы сына любимой женщины, оказать поддержку. Сомневаюсь, что поступлю благородно. Все, свободен.

Лицо Пена вновь скрылось за утренней газетой.

– Раздача титулов не ваша обязанность, ясно? – возразил Эдвин.

– Хамишь, мальчик?

– Вы ..., – Эдвин затруднился подобрать слово. – Всё... Позвольте идти готовиться к «туру»? Мы с Элис вылетаем утром.

– Я разрешаю, – безразлично произнес Пен. – Толку от тебя никакого. И почему ты любимчик, а не Анабель?

Эдвин не стал задерживаться. Выбежал из малой гостиной и не заметил, как очутился в парке. Настолько он был зол. Блестящий автомобиль ждал у крыльца. Он дернул дверцу и, оказавшись внутри, со всей силой хлопнул ей. Из темноты выринула охрана. Фары вспыхнули. У центральных ворот привратник попросил предъявить пропуск. Эдвин сунул в запотевшее стекло карточку и увидел мигающие цифры на приемнике. Пятнадцать минут седьмого. Понял, что опоздал и заранее приготовился услышать истеричные крики невесты. Ничего, привык.

Элис в черном пальто, наброшенном на платье изумрудного цвета, поджидала на стоянке в двух кварталах от главного входа в кинотеатр и тряслась от холода.

– Приехал, наследник в свойственном ему репертуаре, не смог организовать визит на столь важное мероприятие, как премьера фильма лучшего друга, в курсе, что я продрогла?

– Кеннет Пен задержал. Если бы встретились у твоего дома, точно бы опоздали, – оправдался Эдвин.

Элис притворилась, что не слышит извинений и злобно глянула на машину охраны – они и не думали следовать за ними. По желанию Эдвина. А путь к служебному входу лежит через сквер. Безлюдный. Утопающий в темноте. И лишь тусклый фонарь освещает выкрашенную в коричневый цвет скамейку. Она вытащила круглое зеркальце и в полном молчании повесила тяжелую сумку на предплечье жениха. Эдвин не реагировал. Шел молча.

– Шевелись, опаздываем! – вдруг крикнула Элис, оступилась на пригорке между раскидистыми деревьями и подвернула ногу. – Ай!

– Всё в порядке?

– Снимки появятся во всех изданиях, – причитала она. – Мы не можем подвести Фелиппе, мой друг талантлив и трудолюбив.

– Не видел его фильмов, – отрезал Эдвин.

Они прошли мимо красной дорожки. Актеры и видные деятели киноиндустрии подъезжали на машинах. Встречал гостей высокий человек в смокинге и шляпе. «Звезды экрана» под всхлипы и рев обезумевшей толпы осыпали поклонников воздушными поцелуями и медленно брели к лестнице в просторный холл кинотеатра. Эдвин вздохнул. Им предстояло сделать то же самое. Предпоследними.

Он очнулся от толчка Элис в правый бок. Поднял голову. Сердитый мужчина настойчиво требовал предъявить документ на вход. Элис передала ему карточку, подписанную ее другом. Прочитав имена, «страж» всхлипнул от неожиданности, посторонился и позволил войти.

Внутри сустились бегущие навстречу друг другу сотрудники. Взрывались, спорили, хлопали дверьми и вешали таблички: «Не беспокоить».

– Наследник и невеста! – окликнула их молоденькая администраторша с наушником. – Припозднились. Выход без четверти девять. Так, девочка – нормально, наследника взъерошить, – бросила кому-то вдаль. – И как можно больше естественности, – приказала она возникшему в дальней комнате гримеру. Сама исчезла куда-то. Ей позвонили.

По жесту паренька Эдвина окружили стилисты рангом помладше и затолкали в тесную клетку, усадили перед зеркалом. Черноволосый юноша с ямочкой на подбородке брызнул лаком, грациозным движением выхватил из коробки расческу-гребень, и зачесал так, что «наследник» стал похож на типичную кинозвезду или топ—модель.

Криста. Студентка

Случайно попала на премьеру нашумевшего фильма. Ладно, Альберта помогла с приглашением. Мы должны были идти вместе, но она укатила с ребятами в Пригород.

Я удивлена. Кругом море обезумевших лиц – школьницы, студентки, молодые женщины. Толпа орет. Зажимаю уши – сейчас лопнут барабанные перепонки. Громче всех визжат и хохочут фанатки актера, исполнившего главную роль. Кинобоевик, если судить по хвалебным отзывам, обещает собрать внушительную кассу и награды в престижных номинациях.

– Девушка, шаг назад! – совсем рядом прозвучал суровый голос. Я подчинилась. Вблизи ходят репортеры с фотокамерами. Яркие вспышки ослепляют. Зрители в первом ряду просят подписать фотографии. Сотни рук с карточками тянутся к кумирам, но опытные телохранители не дают прикоснуться к люксовым нарядам... Я ощущаю себя маленькой точкой, а над которой сияет небосвод... Лимузин наследника. Эдвина и его невесту заключают в кольцо гламурные ведущие. Девушка хвалит густые локоны мисс Элис. Парень неудачно шутит. Элис забавно отвечает. Эдвин прячется в тени фонаря и мыслит он явно не о фильме.

– Прокомментируйте предсвадебную поездку, – ведущий протянул микрофон к губам наследника. Эдвин произнес односложно:

– Начнем в Южном Городе.

– Запланировано множество мероприятий, – перебила жениха мисс Элис. – Не буду раскрывать секреты, но молодых невест ждут сюрпризы.

– Здорово, – воскликнул ведущий и повернулся к публике, прищурился. – Где бы найти невесту, чтобы узнать суть сюрприза пораньше? – он громко засмеялся. Люди за ограждением не поддержали его – большинство с нетерпением ожидало главную звезду – того самого актера.

– Репортеры утверждают, что вы претендуете на должность стажера в ведомстве председателя Большого Совета. Мистер Пен поддерживает вашу кандидатуру. Светский лев Жак Силано останется за бортом?

– Не думаю, что на премьере кинофильма уместно говорить о делах чиновников. Скажу одно – назначение будет закрытым, но популярность кандидата на итоговое голосование повлияет. Это все.

– Андре Каттон! Встречаем! – голоса ведущих слились в один, и они мгновенно забыли о наследнике, лимузине и свадьбе года.

Девчонки визжат еще громче и поднимают плакаты. Кинозвезда, укутанная в шарф и норковую шубу, движется к красной дорожке. Молоденький ассистент украшает голову кумира миллионов короной—венцом. Драгоценные камни в острых зубчиках ярко сияют под софитами.

Наследник Эдвин и мисс Элис еще на дорожке. «Невеста» наградила ослепительной улыбкой поклонниц и подписала плакат с её фотографиями. Молоденькая студентка в приплюснутой шапке с наклейкой «Любовь и Правила» от волнения уронила толстый фломастер. Маркер замер у начищенных ботинок наследника. Элис приближалась, а в карманах куртки с высоким воротником – пусто. От досады девушка повертела ступней и как бы нечаянно согнулась... Эдвин, заметив беспокойство, поднял столь «важный атрибут» и передал поклоннице. Девушка вцепилась в пластмассовый наконечник... На приближение «невесты» не реагировала... Фанатки умоляли мисс Элис сфотографироваться, а девушка в шапке как будто не слышала радостных возгласов, плакала, хлопала пышными ресницами и вдруг выпрыгнула в темноту.

– Замечательный вечер, – похвалила девчонок мисс Элис.

Наследник Эдвин стал искать глазами приплюснутую шапку, но ее обладательница словно испарилась. Мисс Элис жестко схватила жениха за локоть и потащила к лестнице:

– Милый, идем, нам еще нужно успеть поздравить Фелиппе, через полчаса начнут показ, к тому же я устала, натерла лямкой пятку, а тебе словно нет дела!

Эдвин не реагировал.

– Милый, что с тобой, если ты о ссоре на стоянке, забудь...

Но Эдвин не держал обиды. Внимание захватил плакат на стеклянной двери – упитанное лицо сожителя его матери. Известный режиссер, заручившись поддержкой государственной кинопремии, снял о Кеннете Пене документальный фильм.

Альберта. Наследница

Все. Можно расслабиться. Меня приняли в группу, и я безумно рада, что Криста познакомила меня с Фомой. И собираемся мы теперь не в далеком Пригороде у Патрика на дачке, а в приспособленном для репетиций подвальчике центра детского творчества. Но пятничных гонораров хватает на оплату аренды одного дня. Нет, ребята думают, что на месяц – остаток суммы я тайно перевожу хозяину, но каких усилий стоит мне этот обман – два договорчика – действительный и нужная копия, две встречи. И Клаус может проверить перечисления по карточке в любой момент. Он расскажет маме, и она потребует вредное для наследницы дело пресечь. А если правду узнает Патрик! Он придет в ярость и решит, что «золотая девочка» просто насмехалась. И Криста, как всегда, влезла со своей логикой.

«Неужели он ни разу не спросил, откуда у бедненькой провинциальной сироты платиновая карта?»

«Придумала несуществующего знакомого, который сделал нам скидку».

«Темнишь, подруга. Не дурак твой Патрик и давно понял, что ты не перебиваешься с хлеба на воду».

«А вот и нет!».

Как же ненавижу Крису за ее морализаторство и нравоучения! Всегда лезет, куда не просят. Сама влюбилась в Патрика и не знает, как привлечь его внимание. Я вот хвастаюсь – он мой, а наивная Криста верит и не подозревает, что Патрик без ума от подружки Розы – певички, сумевшей покорить мировые хит—парады. Я как узнала, чуть не прибила. Сразу у него на глазах к Моргану прилипла – ревность вздумала разыграть в нем. Уже и обнимала его, и целовала краснеющую от лестных комментариев щечку, шевелила горбатенький подбородочек и ласково шептала в оттопыренное ушко:

– Инженер от бога и самый недооцененный звукорежиссёр.

А Патрик любовался фотографиями в журнале и не видел ничего, и не слышал – только причитал, как же красива Роза.

– Это Пат виноват! – Морган любитель сожалеть в период творческих неудач. – Роза предлагала постоянный чес по городам! И я бы стал танцевать, лишь бы из подвала вылезти. Только представь, Альби, я отказался от ванны с шоколадом и шампанским!

– Все изменится, обещаю, – уверяла я. А он, Патрик, даже головы не поднял. Уставился мертвенно-бледным взглядом в глянцевые фотографии... Я выхватила журнал, и снимки Розы полетели в корзинку для бумаг. Патрик тут же завелся и велел оставить его в покое.

– Партию для гитары разучила?

– У меня есть свои идеи. Послушаешь?

– Отвали.

Он ушел, а я забралась на давно некрашенный подоконник и прислонилась лбом к запотевшему стеклу окошка—обманки. Криста убеждена – Патрик использует меня. Да ничего он не знает, это я вешаюсь ему на шею. Хорошо, ребята не возражают, иначе выгнал бы давно.

– Ты там говорила что—то про изменения? – напомнил Фома.

– Я знакома с одним человеком. Он молчал много лет, и месть копилась в нём!

Морган покрутил пальцем у зачесанного виска:

- Утопичные догадки безнадёжны...
- Так, оставим спор. Альби, что ты там придумала? – перебил друга Фома.
- Ничего особенного, один фрагментик.
- Сыграй?
- Патрику не понравится.
- Ты его видишь здесь?
- Нет.
- Я спрыгнула с подоконника.
- На чем играть? На киборде? Гитаре? Барабанах?
- На чем требует авторский замысел.

Впервые могу петь в полную силу. Противно думать, что Патрик примет предложение Розы, Клаусу доложат о новых друзьях наследницы, родители официально разойдутся. Снова застала «врага» и мамочку в недвусмысленном положении. Они прижались к кованой оградке. На сумеречном небе всходила полная луна, призрачный свет падал на густые кроны деревьев. Спящие цветы в клумбах пригнули головки и опустили листики на тоненьких стебельках. В беседке, за живой изгородью, играл скрипач, но они не слышали, как льется музыка в серебряную ночь. Держались за ручки и обсуждали предстоящий развод. Мама ласково говорила с ним и вдруг побледнела. Совсем как в прошлый раз. Но как же лоснилось его, «врага», багровое лицо!

Криста. Студентка

Звонок в дверь. Стук. Тяжелые шаги. Альберта пришла.

– В комнате, иди к ней дочка, закрылась и никого не желает впускать. Что случилось – не знаем, не понимаем. Отец, сделаешь ты тише или нет? Чайку выпьешь? С бубликом. Свежие испекла.

– В другой раз.

Я натянула одеяло на голову – правда, никого не хочу видеть, даже Альберту.

– Криста Симонс, немедленно открой! – крикнула подруга и принялась стучать кулаком в белую дверь. Стук, я вздрагиваю, стук, я пугаюсь и заползаю в самый дальний уголок, стук и слезы быстрее текут из глаз, стук и...

– Криста Симонс!

Встаю. Альберта вошла с важным видом, а мама не решается – прижалась к косяку. Подруга внимательно смотрит на мое опухшее лицо, синяки, вымокшую от пота пижаму, спутанные волосы. Смеется.

– На конкурсе я стала пятой, а ответила на все вопросы. Мне ли не знать, как построен сюжет классической прозы и имена персонажей! Я даже реплики помню! Стипендия? Рухнула мечта! Ситечко, ступа и гудящая кофе—машина – мой предел. Не могу больше. Осторожело все!

Я снова упала в кровать и накрылась одеялом. Альберта сдернула его. Я всхлипнула. Подруга закрыла дверь.

– Собирайся, – тихо прошептала она. – Едем в Городской Университет.

– Ты глухая? Нет стипендии – нет учебы.

– Что ж ты такая непонятливая! Вставай, говорю. Вчера маман вызвала. Сидит такая, хорохорится, скалит зубки. Клаус сиреневый конвертик на блюде с кружевной салфеточкой подает. Вот, дочка, письмецо. Осенью приглашают учиться. И ухмылочка. Умница, молодец, порадовала. А я как услышала, растаяла на месте – значит, завалила экзамены, понимаешь, специально, чтобы нудных лекций избежать и к папе уехать. Мон слил его адрес. Поучишься вместо меня? Маман узнает – не отпустит.

– Что?

– Ну не будь душой, тебя завалили на конкурсе, чтобы такие как я, неумехи без цели, учились. Будущая элита! Пустышки—неженки мы, вот кто.

– Что ты несешь! – я спрятала голову в подушку.

– Я все продумала, – Альберта согнала кошку из кресла и забралась в него. – Нажаловалась маман, что устала от репортеров, потребовала легенду. Она клятвенно обещает, что о поступлении наследницы объявлено не будет. Ты с легкостью сможешь заменить... Меня.

– Я не участвую в подобных играх. Пусти.

– Ну же, Криста, она еще думает, – Альберта подбежала к кровати и села на коврик. Убрала подушку с моего лица и теперь смотрит умоляюще, удерживая две сложенные вместе ладошки на уровне груди. – Я незаконно заняла это место, – жалобно молвила она. – Восстановим справедливость. Едем! Я буду с тобой, ходим к директору, скажем, что ты – я. Мама будет счастлива, а ты сможешь спокойно сдавать экзамены. Говори всем правду – тебя зовут Криста Симонс. Мы с братом учились по легенде в школе. Никто не додумается уличить нас в обмане. И маме я скажу – называя меня Кристой. Она в курсе, что ты моя подруга... Только будет думать, что Криста – это я. Ну же.

По—моему она логично мыслит.

– Согласна?

Я нерешительно опустила голову.

– Здорово. – Альберта поднялась и полезла в мой шкаф. Цветные кофты, обтягивающие юбки полетели на кровать. – Переодемся. Чтобы директора ввести в заблуждение. – Она стянула с плечиков сиреневый джемпер, приложила к груди. Глаза ее засверкали, щеки разгладились и порозовели. Альберта крутилась возле зеркала и приговаривала:

– Вот эта кофточка ничего. Где купила?

– В сетевом магазине. Во время скидок полно таких.

– Скидок?

Альберта начинает переодеваться. От зеркала не отходит, любитесь отражением, проверяет, как сидит на ней моя кофта. Мне все равно. Вытираю опухшее лицо.

– Мне нужно в ванную. Сколько у нас времени?

– Два часа. Я на машине – доедем с ветерком, – пропела Альберта. – Патрик такой классный – я добила его – он позволяет играть не только на барабанах, но и на киборде, и на гитаре!

– Самовлюбленный твой Патрик. Весь из себя. А еще даже не «звезда». Он сам музыку пишет или только чужую исполняет?

– Да ну тебя! – Альберта погрузилась. – Пат – самый лучший. Фома его уважает, Морган говорит – у группы завидное будущее. Драммер надумал уйти окончательно – его место займу я.

– Да кому вы не в костюмах розовых пантер нужны!

– Я сведу ребят с отцом, и они будут ликовать от счастья.

– Ну, ну.

В коридоре я столкнулась с мамой, она несла в мою комнату старый жестяной поднос. На нем – две кружки, фарфоровый чайник и свежие бублики в плетеной корзинке.

– Криста, твои любимые. Альберта... Она молодец. Привела в чувство.

– Миссис Симонс, я хочу бублик.

– Конечно, деточка.

Я хлопнула дверь, когда заходила в ванную. Милейший голосок Альберты—наследницы слышен и здесь.

– Миссис Симонс, а вы знаете, что Криста поступила на отделение журналистики?

Представляю, как опешила моя мама. Поднос наверняка задрожал у нее в руках – чуть не уронила. Нет, удержала, поставила на подоконник, добавила чай в кружку Альберты и запричитала:

– Криста... она же завалила...

– Но стипендию получила.

Альберта жует бублик, а я раскручиваю кран. Все, или ничего... Не могу думать о возвращении на работу к мистеру Солмеру, гудящая кофе—машина навязчиво снится и запах жареных зерен доводит до тошноты. И Фомы не будет. Патрик, заполучив подвал для репетиций, заставил моего напарника уменьшить количество смен и предложил выступать чаще. И неважно, что постоянный заработок Фоме жизненно необходим. Мама его серьезно больна и ей требуются недешевые лекарства. Морган и Альберта счастливы и прыгают до потолка. И никто не спрашивает – как Патрику удалось занять нужные «связи». Розы вмешалась? Что —то здесь не так, и я выведу крутого хама с кубиками пресса на чистую воду.

– Альби, ты будешь присылать сообщения? – кричу я, щеткой растирая зубную пасту. Раз—два—три.

– Конечно, Криста.

– Вот и славно, – прошептала я и подмигнула отражению в зеркале.

Эдвин. Наследник

Осень пришла. Несмотря на угрозы Пена, Эдвин получил должность стажера большинством голосов. Но к серьезным делам его не подпускали, у него даже постоянного пропуска не было, и на заседаниях Эдвин появлялся в качестве едва заметного гостя. Культурные мероприятия и поход по магазинам с Элис – его удел. Шопинг превратился в еженедельную обязанность. Эдвин послушно ходил за невестой, разглядывал подсвеченные круглыми лампочками витрины и не понимал, что же привлекает молодых девушек в безмолвных манекенах. Один раз заметил на двери слово: «распродажа» и перечеркнутые цифры, но Элис объявление проигнорировала. Увидела в соседнем отделе соломенную шляпку и кожаный жакет и побежала туда, но прежде вручила ему пакеты с ленточками вместо ручек. Эдвин в магазины не заходил. Принципиально.

Прошел час, как она оставила его. Стало скучно. Он вздохнул. В задумчивости прошелся взад—вперед, заглянул в магазин, не идет ли? Нет, не шла. А обещала не задерживаться. Ему было обидно. Он – наследник, а болтливые женщины в дешевых пальто, мужчины, заталкивающие на гудящий эскалатор переполненные тележки со строительными материалами, пожилые люди, присматривающие за внуками в детском уголке – все эти люди пролетали мимо и не замечали его.

Стеклянная витрина манила желтым светом. Завороженный Эдвин подошел ближе и глянул куда—то вглубь. Миловидная блондинка любовалась отражением в зеркале, а заметив на себе чужой взгляд, вернула на полку бордовый свитер, показала оранжевый и как бы поинтересовалась – какой лучше. Эдвин в смущении отвернулся и сел на деревянную скамейку. Элис выбежала из магазина напротив:

– Прости, милый, – извинилась она и вручила очередной бумажный пакет с бантиком. – Тебя ждет сюрприз, – пропела она так нежно, что ухо покраснелось от обилия ласковых слов. – Не жалеешь, что пошел со мной?

– Нет, конечно.

– Котик, я еще туда загляну!

Эдвин поднял голову. Элис с воодушевлением смотрела на вывеску.

– Милый, ну очень нужно...

– Иди, – терпеливо выдохнул Эдвин.

Мать удивлялась, что он позволял невесте «магазинные капризы». К их услугам лучшие специалисты, готовые сделать все, лишь бы кто—нибудь из семьи отметился на рекламном показе или продемонстрировал наряд на светском мероприятии. В этом отношении Элис не спорила, ее выходом занимались специально нанятые люди. Но в повседневной жизни его девушка получала незабываемое удовольствие от примерки стильных босоножек с узкими

ремешками и еще больше приходила в восторг, когда в день покупки цвет педикюра совпал с оттенком кожи понравившихся туфель. Скучающий Эдвин отложил телефон, заглянул в витрину и увидел, как Элис советуется с вежливым консультантом. Продавщица улыбнулась, забрала отобранные модели и предложила подождать на мягком пуфике. Элис присела, повертела ножкой на грязноватом коврик, заулыбалась, когда вокруг нее разложили коробки. Она быстро надела модель, которую ей подали, оценила «вид» в зеркале, затем переобулась, на одной ноге оставила первую, сравнила и что-то сказала продавцу. Девушка сдвинула коробку влево. После туфель перешли к ботинкам и сапогам. У Эдвина кружилась голова. В обувном магазине Элис могла часами любоваться застежками и элегантным каблукком.

Вдруг его пронзила странная боль, и он вытянул затекшую спину. Мир торгового центра и суетящиеся люди с тележками и пакетами застыли на одно мгновение. Он что-то почувствовал и обернулся. В просторный холл вошла девушка, одетая как типичный ботаник—пугало. Объемный рюкзак горбом болтался у нее на спине, нелепая вязаная шапочка в полоску перекосилась, большие пуговицы шерстяной кофты были застегнуты до ворота, а на ногах толстые колготки. Эдвин обратил внимание на румяное лицо и кругловатую оправу, и уже хотел было отвернуться, но «школьница» вдруг сняла очки, чтобы протереть линзы, и оказалось, что у нее вполне симпатичное лицо. Свободной рукой она стянула шапку и темно—густые локоны рассыпались по плечам. «Школьница» вошла в книжный отдел, чудом затесавшийся среди магазинов женского белья и аксессуаров. Эдвин быстро собрал припрятанные под скамейкой пакеты и поспешил за незнакомкой, но прежде остановился и заглянул в обувной. Элис сидела на пуфике, а продавец—консультант пыталась застегнуть молнию высоченного сапога.

Эдвин предал пакеты Элис на временное хранение кассиру и побрел вглубь магазина. Пахло бумагой и канцелярской краской. «Школьница» нашла в темном углу среди стеллажей со специальной литературой. Она стояла на вытянутых носочках и стягивала с полки две толстые книги. Раскрыла, прочла аннотацию, пролистала. Одну вернула на место, вторую отложила в корзинку из металлических прутьев.

— Привет, — поздоровался Эдвин.

«Школьница» надела очки, внимательно посмотрела на него, прищурилась, вздохнула и вернулась к полкам.

— Привет, — повторил Эдвин и протянул книжку, которую читал прошлым летом по рекомендации Фрэнсиса Бойла. Раньше он уделял самообразованию больше времени, сейчас занимался не так много. Днем — жесткий распорядок, а вечером его время принадлежало Элис.

«Школьница» положила в корзинку другую книгу и поставила на полку предложенную им.

— Неплохой выбор, — пояснила она. — Но эту книгу я уже читала. Вообще я ищу учебники по этому списку. — Она достала из кармана рюкзака лист бумаги.

— «Стилистика языка и культура речи». «Теория литературы». «Социальная работа и политика общества». «Введение в искусство», — прочитал Эдвин названия. — Вы?

— В библиотеке очередь на месяц, а мне срочно нужно. Редактор доверил написание важной статьи. — Она открыла кошелек, пересчитала купюры и вернула несколько дорогих изданий на место. — А вы что ищите?

— Я? — удивился Эдвин, любуясь густыми ресницами за линзами очков. — Увидел вас и пошел следом.

«Школьница» улыбнулась и оттолкнула его — рослый Эдвин загородил проход.

— Куда вы? — воскликнул он.

— На кассу. Вы задерживаете глупыми разговорами.

— С чего вы взяли, что я не соответствую вашему интеллектуальному уровню? — возмутился Эдвин.

– Я этого не говорила, – голос «школьницы» стал мягче, доброжелательнее. Она достала из рюкзака визитку и сунула в карман его пальто. – Если невеста не станет возражать, позвоните. Обсудим любую, какую захотите, книгу. – Затем она обошла его и исчезла за стеллажом.

На кассе «школьница» выгрузила на блюдо всю имеющуюся наличность и, не дождав-шись чека, пошла к выходу. Кассир вернул пакеты Эдвину, и он, как ошпаренный, выбежал из магазина – боялся упустить незнакомку. «Школьница» стояла у эскалатора, натягивала вязаную шапку и глазами искала указатель к лифту.

– Знаете, вы лучше выглядите без очков и шапки, – вмешался Эдвин. – Правда.

– Слушайте, – воскликнула незнакомка. – Если не отстанете, вызову охрану. Сказала же, спешу.

– Вот ты где, котик, – Эдвин услышал ласковый голосок и обернулся. – Смотри, что я купила, туфли, босоножки и сапоги, не удержалась и забежала в бижутерию, твоя мама оценит браслет, а кожаный ремень подойдет к ее новому платью, она у тебя стройная!

Элис притащила его к стеклянному лифту и нажала на кнопку вызова.

– Я растратила все деньги, милый, – она с умилением заглянула в его растерянные глаза. Эдвин решил не уступать. Тяжелые пакеты ему ужасно надоели. Элис первой вошла в кабину. Он следом. Пакеты застряли в проеме. Она с упреком потребовала быть аккуратнее – уголки ни в коем случае не должны помяться. Двери сомкнулись. Эдвин встал в сторонке. Пакеты мешали Элис подойти ближе, он радовался, а она свела брови и надула губы.

– Эй, ты где? – спросила невеста.

– Все нормально, – ответил Эдвин. – Устал, едем домой.

– Как хочешь, – пожала плечами Элис и речь ее полилась сплошным потоком. Она болтала без остановки – жаловалась, что в обувном магазине грязный пол и продавцы не умеют обслуживать покупателей. Элис придиралась к каждому жесту худеньких девушек. Эдвин не слушал. Он смотрел на людей, которые суетятся там, в холле торгового центра. Элис коснулась его руки. Пошевелила. Эдвин молчал. Он был «в себе».

Криста. Студентка

Только подумать! Я могу бесчисленное количество раз подниматься по главной лестнице... Виснуть на деревянной балюстраде в уходящей в бесконечность галерее... Прятаться за мраморными колоннами... Любоваться портретами великих людей. Все они когда-то учились здесь.

Когда солнце уже село, и призрачная темнота заполняет плиточный коридор, статные фигуры смотрят поучительно на всех, кто вздумает пройти здесь в одиночестве. Мертвые глаза оживают, бесцветные губы шевелятся и тихим шепотом своим пытаются донести истину. А потом скрипнет дверь в библиотеку. Резко запахнет затхлостью. И наступит тишина.

Звонок. Умиротворенную атмосферу, в которой я спокойно наслаждаюсь чтением, сменяют топот, крики и громкие разговоры студентов.

– Ты?

Не ожидала увидеть Альберту так скоро. Казалось, она получила свое и имеет право позабыть о «подруге».

– Маман едет. Лучше мне быть поблизости. Вдруг пожелает поговорить с дочкой?

Я резко прыгнула с подоконника.

– Надеюсь, у преподавателей нет вопросов?

Я отрицательно замотала головой.

– Да расслабься ты! – успокоила Альберта. – Она только побеседует с директором в уютном кабинетике.

В коридоре резко стихло. Захлопнулась последняя дверь. И горбатый студент скрылся за углом.

– Мне нужно идти, – не веселым голосом сказала я. – Факультатив по журналистике.

– Можно с тобой? – неожиданный вопрос Альберты повис в воздухе. Я запихнула книгу в рюкзак.

– Идем, только скорее. Преподаватель – мистер Грин, запомни. Многие считают его предмет необязательным. Я же нахожу его лекции довольно познавательными.

– А на какую тему?

– История поп—музыки.

– Интересненько, – Альберта без разрешения взяла мой рюкзак. Не совсем беру в толк, к чему излишняя забота, нет, наверняка переживает, что мамочка докопается до правды и запрет в золотой клетке.

Весь долгий подъем на третий этаж Альберта расхваливает успехи ненаглядного Патрика, какой он замечательный, но вот беда – друзей не поддержал, отказался от поездки в Южную Страну.

– Там мой отец, Мон, Группа, студия и перспективы! А он в контракт с Пенем уперся. Говорит, не откажется, если предложат. Глупый. Морган уверен – вернется. Подуется, построит обиженного и прилетит первым рейсом.

– Быстрее, – торопила я Альберту.

– Познакомилась с кем—нибудь? – она подтолкнула меня.

– Да... Нет...

Не могу признаться, что парня нет, а «предмет обожания» в новой жизни студентки Кристины имеется. Сердце подпрыгивает и в нервную дрожь бросает, если он притоптывает каблуками ботинок в коридоре. Темные выющиеся, зачесанные к вискам волосы, делают его одновременно модным и смешным. Студенты прозвали его «Гринчиком» и обожают смеяться вслед, я смотрю на мистера Грина иначе. Помню, как пряталась на преподавательской стоянке, выслеживала его. Уже приготовилась выбраться из укрытия, как во дворе остановилась машина. Мистер Грин вышел на парковку, а жена его передала ему портфель. И тонкие детские ручки потянулись обнять отца. В тот самый день я прозвала его «предметом обожания».

– Здесь, – сказала я и приоткрыла дверь.

Аудитория, на удивление, заполнена. Мест свободных практически нет. Жаль, к началу опоздали – мистер Грин не задержался. Обычно он приходит после звонка. Вот он, стоит у зеленой доски с гладкой поверхностью. Тему объявляет:

– Творчество «Группы».

Ноги Альберты приросли к порогу.

– Идем, – подтолкнула я подругу.

Неохотно, но в аудиторию Альберта зашла. Мы сели на дальнюю парту.

– В золотой период расцвета музыканты Группы обладали и драйвом, и задором, и харизмой, а нескончаемая энергия вокалиста «поднимала на ноги» стадионы...

«Предмет обожания» неторопливо повествует о влиянии стиля Группы на современную музыку. Альберта грустит, а я внимательно слушаю этот голос... Такой музыкальный... Предложения с четким отрывистым ритмом перетекают в плавно-благозвучные... Подобные интонации ласкают мой слух, сводят с ума... Я не в аудитории, и «предмет обожания» давно уже не лектор. Я вижу его на сцене... Под лучами яркого света... Фанаты тащат его в толпу... Он поет известную всем песню... Студенты не пишут конспект... Мы подпеваем ему... И он мой! Мне позволено прикоснуться к его лицу, опустить на лоб челку... Когда все только могут тянуть руку... В пустоту...

Прозвучала шутливая оговорка. Кто-то смело и уверенно заявил, что «Анри—легенда» продал Группу сначала корпорации, потом властям.

Луис гаркнул, Катарина чудом забыла о фирменном словечке «чушь» и промолчала, а мисс Лили тихонько всхлипнула.

– Что? – с удивлением спросил автор реплики. – Все так говорят.

Лицо Альберты запылало от гнева. Она внимательно следила то за серыми глазами мистера Грина, то за возбужденным лицом модно стриженного паренька на первой парте. Пит в очках с желтыми дужками – обидчик для нее, но для курса подобные колкие замечания – дело привычное.

– Позвольте продолжить? – Мой «предмет обожания» сложил губы вытянутой трубочкой. Всегда делает так, если сердится.

– Да пожалуйста, – разрешил ему Пит и усмехнулся.

Мистер Грин вернулся к доске... Мелом написал одно единственное слово и тихо сказал:

– Случилось «это» ... Группа просуществовала некоторое время, но хитов с поэтической лирикой и сильной мелодикой не выпускала. Анри Смит открыл студию и, казалось, забыл о собственном творчестве. Во время Фестиваля на Острове со сцены прозвучало обещание выпустить пластинку под влиянием не безызвестного вам Мона. Но громкие заявления остались на уровне недомолвок и слухов. По неподтвержденным сведениям, музыканты отыграли концерт, а после разошлись.

– И где «Анри-легенда» сейчас? – Пит вновь перебил мистера Грина. Катарина на этот раз все же произнесла «чушь». Мисс Лили предложила Питу спеть, раз он такой бойкий, а Альберта почти сорвалась с места. Еле удержала подругу.

– Заговорился я с вами..., – «предмет обожания» сел на стул. – Занятие о творчестве Группы в учебный план не входит...

– В Южном Городе он, – ответил за него Пит. – На фанатском форуме пишут... Видели его... И дом у него там...

– ... если было интересно, попробуйте найти дополнительный материал самостоятельно. Готов поспорить с любым, – мистер Грин глянул на Пита. – Кого творчество Группы не привлекает, на семинар получите другое задание. Прошу поднять руки, кто хочет...

Молчание. Теперь Альберта внимательно следит за всей аудиторией. Притих и Пит.

– Хорошо, если нет желающих, разобью вас на группы. Старшего докладчика назначите сами. Правый ряд собирает рецензии на пластинки Группы, всё, что сможете найти. Средний... Попробуйте оценить влияние стиля «Анри—легенды» на современную музыку. Левый... Представьте подборку фактов из официальной биографии.

Я попала в последнюю группу и время взять другое задание ушло. Альберта склонилась над моим покрасневшим ухом и гневно зашептала:

– Только представь, жизнь папы – материалчик для открытого семинара! Но что вы, студентки первого курса, сможете отыскать интересного и пикантного в запылившихся папочках? А потом еще будете претендовать на правоту личного мнения? Согласна, папа – человек с непростой судьбой и твой мистер Грин отчасти прав – никто не способен понять его, кроме мамы!

Кольнуло в самое сердце. Я вдруг испугалась за судьбу своих небрежных записок. Почти год занимаюсь тем же – изучаю под микроскопом жизнь ее семьи.

В аудитории шумно. Студенты покидают аудиторию. Мы с Альбертой задерживаемся. Я неторопливо прячу учебник в рюкзак на шнуровке. Хочу уйти незаметно, но мистер Грин закончил отсоединять провода от ноутбука и вдруг окликнул меня:

– Мисс Симонс, вы с подругой? Вольнослушатель?

– Я ..., – крайне смущена. – Альби... Мистер Грин, вы не станете возражать, если Альберта придет и на семинар?

– Да, мне очень понравилось, – Альберта придавила мою ногу. – Принесу нужный вам материалчик. Воспоминания родителей.

Мистер Грин оступился:

– Я предельно точно сказал, что готов к спору. Левому ряду досталась не простая тема, но рассмотреть её нужно. Вы же хотите понять, кем был «Анри—легенда»?

– Вы интересуетесь па... им?

Альберта сжала мою кисть так сильно, что боюсь лишний раз вмешаться. Мистер Грин расстегнул пиджак, стало душно, затем открыл форточку и впустил свежий воздух. На осенней улице щебетали птицы. Я вдруг осознала, насколько все придумано и фальшиво.

– В моих планах издание книги о Группе. Доступ в частные архивы «семьи» ограничен. Споры и мнения на «личную» тему заменят факты. Как думаете?

– Да, – уверенно ответила Альберта. – У... меня сохранились некоторые записи родителей об этом человеке. Я поищу... в коробочках...

– Вот как! – удивился мистер Грин. – Я заслушивался музыкой Группы в десятилетнем возрасте. Грезил обещанным «большим» туром и не дождался. Рад, мисс Симонс, что вы рассказали о моих лекциях подруге. Скотт Грин. – Он протянул Альберте руку.

– Называйте меня Альби.

Как же так! Два месяца я бегала вблизи него... Альберте хватило двух минут, чтобы вызвать улыбку на бледных учительских губах!

– Смотрите, в эту папку я поместил концертные выступления. Пересмотрел их все, перечитал лирику, вдумался в смысл метафор и сделал вывод – «Анри—легенда» – человек, который живет музыкой. Кто знает, может сам Анри прочтет книгу? Как думаете, он сочтет выводы о себе глупыми и банальными?

Альберта. Наследница

Мою маму, когда она приезжала «на чай», мы с Кристой с легкостью обвели вокруг пальца. В кабинетик директора пригласили Кристу Симмонс, то есть Альберту. Я и пришла. «Главного» на время «удалили» и он не увидел лицо настоящей «наследницы».

Мама светилась от счастья, когда запивала лестные благодарности свежесваренным чайком. В воздухе кружил прозрачный дымок. А потом мне показали грамоту в золоченой рамочке. Меня, Кристу Симмонс, хвалили за активную работу волонтера и перепечатанную городской газеткой студенческую статью о протекшем холодильнике в центре социальной помощи.

– Как же чудесно! Эдвин получил место стажера. Твои статьи печатают! Анабель завела страницу в социальных сетях и превратилась в «модную девочку», ей хотят подражать сверстницы! У меня замечательные дети!

Она восхищалась, а мне хотелось смеяться. Но я взяла себя в руки и скромно опустила голову, молчала. Нет, щеки покраснели, и лоб покрылся испариной, и носочек туфельки чертил круг. Но мама не замечала волнения дочки. Говорила и сыпала любезности.

В кабинет зашел Клаус и передал маме запечатанный конвертик. Она вручила его мне.

– Не могу пройти мимо. Уверена, ты сможешь распорядиться такой суммой благоразумно.

– Конечно.

Потом мне разрешили уйти. В общежитии Криста распечатала мамин подарочек. Но прежде угостила шоколадным кексом. Она испекла его сама.

– Тут!?! – Криста схватилась за грудь.

Так... Нужно приводить подружку в чувство.

– Пусть у тебя полежит. Он как бы тебе предназначен... Я только возьму немного на билет? С карточки платить никак нельзя. Клаусу сразу доложат, что к папе полетела.

– Это обман! – воскликнула Криста.

Я вдруг засомневалась, что получу денежки мамы обратно. А потом глянула на подругу так жалобно и тоскливо, что Криста сдалась и позволила взять из конвертика нужную сумму.

Криста. Студентка

Альберта забралась с ногами на подоконник. Из учебника по музыкальной литературе выпала кожаная закладка. Подруга пребывает в известном лишь ей фантастическом мире, где

мелодия извлекается из инструментов, а гармонии и ноты звездным потоком несутся в космической пыли и сгущаются. И не замечает она, что студенты в ожидании лекции оживленно спорят, почему ее отец оставил Группу.

– Достали вы со своим «Анри-легендой»! – возмутился парень в среднем ряду. Вижу его впервые. Он подергал густую бородку и стянул через голову серую толстовку. – Вот. – На его футболке красовался логотип в виде крутящегося колеса. – Стадионы не собирали, но музон классный делали. От многих вещей крышу в прокуренных залах реально сносило и сносит.

– Жуть, – проворчала мисс Лили и кокетливо похлопала тоненькими ресничками. – Череп напоминает.

– «Анри-легенда» умер, вот доказательства, – сделал громкое заявление Луис Котт и его полноватые ножки в потертых ботинках побежали по деревянным ступенькам. – Не захотел быть причастным к мировому заговору.

– Не пори чушь, умник! – черноволосая Катарина с упреком взглянула на Луиса. В наступившем сезоне «староста курса» придерживается моднейших трендов и носит штаны-галифе длиной чуть ниже колена, носки в разноцветную полоску и туфли на высоченной платформе. На тряпичной сумке-мешке красуется задумчивый портрет «Стимми Виртуоза».

– Вот же, читай сама! – не сдавался Луис.

– Чушь!

Побледневший Луис быстро собрал бумаги, вырезки из газет, комиксы, попятился и подсел к Питу. Наглец не спешил вмешиваться. Был занят переписыванием из своей тетрадки домашнего задания.

– Хочешь, интересное расскажу? – спросил Луис.

Пит прикрыл упражнения по стилистике языка ладонью и сказал:

– Отстань, Луис. Миссис Грот на семинаре без сделанной домашки промежуточный зачет не поставит. Вот придет «Гринчик», его слушать надо. Все видит и замечает.

– Дома нужно заниматься.

Пит вздохнул:

– Когда родители обеспеченные, можно и дома, а если после учебы подрабатываешь кассиром в закусочной, только по ночам и то...

– Вечно ты со своим недовольством, – хмыкнул Луис. – Вот Криста в газете работает, но и учиться успевает, и с ... – Луис шепотом назвал имя, – что-то замутила. – А вот ту кудрявую девчонку Альби зовут. Вольнослушатель. Говорят ... – Луис шепотом назвал имя, – увидел и голову потерял. Альби! – крикнул он и, спотыкаясь, побежал к ней. – Можно с вами познакомиться?

– Иного сорта твоя Альби, – Пит покачал круглой головой в желтом капюшоне и вернулся к тетрадке.

В аудиторию вошел мистер Грин, увидел, как солнечные лучи золотят кудрявые волосы Альберты и замер. Он вспомнил утреннюю ссору... Просто сбежать из квартиры не получилось, как и справиться с мыслями. Жена ходила следом, причитала, что нашла месячные курсы для мам и ребенка, а он забыл оплатить их...

Луис подал Альберте упавшую закладку. Глаза мистера Грина увлажнились, челка упала на вспотевший лоб. Альберта очнулась, прыгнула с подоконника и оттолкнула навязчивого студента, не ответив и не поблагодарив его. Громкий смех Катарины и Пита разнесся по аудитории. Поникший Луис спрятался на дальнем ряду и прикрыл лицо учебником. Мистер Грин хлопнул в ладоши. Студенты заметили преподавателя и замолчали. Он сказал спокойно:

– Начнем.

Лекция проходит вяло. Время остановилось для «предмета обожания». Мистер Грин пребывал в ожидании спасительного звонка, путал понятия, терял мысль, отворачивался

и не смотрел в наш угол, садился, вставал, открывал портфель, чертил мелом на доске схему, отвечал на каверзные вопросы Катарины.

Альберта рисовала карандашом в тетради. Улыбнулась. И скорее воображаемому другу в космическом мире, чем реальному мистеру Грину.

– Мистер Грин, а когда вы расскажите об «Анри—легенде»? – поинтересовался Луис.

– На факультативном семинаре. Проведем через две недели. Только я планирую слушать ваши доклады.

– Не привлекайте Луиса, мистер Грин, – воскликнула Катарина. – Несет полную чушь.

– Мы дадим высказаться всем. А потом поймем, где вымысел, а где правда.

Альберта. Наследница

Звонок. Студенты в один миг покинули аудиторию. Мистер Грин мыл доску мокрой тряпкой. Сам. Оставались белые разводы.

– Финансирования нет... Я заставлю их поменять мебель. Будет у меня белая доска, и цветные маркеры. Как у всех, – тихо приговаривал он.

– Идешь? – Криста спрятала учебник в сумку.

Я молчу. Закрашиваю грифелем занавесочки на окошках, пририсовываю витиеватый стебелек к наконечнику ограды и начинаю чертить на полях силуэт молодой девушки, смотрящей на двухэтажный домик. Две капельки летят из дождевой тучки. Жирный вопрос. А Криста смотрит. Гневно. Поучительно. Да, я пришла в студенческую аудиторию с масляными пятнами на стенах, гудящими лампами под ветхими плафонами и ржавыми подтеками на потолке не слушать занимательный рассказ, а прятаться. И только что нарисованный домик – мой уголок.

В уголке – сцена и бархатные кулисы. Музыка... Кулиса приоткрывается и вылетают они, на синей «тарелочке», и уносят в мир невероятных звуков, когда кажется, что ты несешься в звездной вселенной и лиц музыкантов не различить, настолько глубоко спрятаны они в красной или синей космической пыли. Они сопровождают в полете и открывают ранее невиданные грани. Закрываешь глаза и видишь обилие комет, метеоритов, мерцающее полотно. Таинственный шепот, и сердце замирает... Всплеск. Растет духом обительница домика, птичка, развитие и новый всплеск – за ней идут ребята. Движимая сила.

– Жду в столовой. Долго не сиди, – сказала Криста.

Я очнулась:

– А...

Она ушла. Только дверь закрылась, учитель за секунду оказался возле меня.

– Вы решили посещать мои лекции? – спросил он и так нежно откинул челку с бледного лобика, что мне стало смешно.

– Больше не стану вам мешать. Возникли неотложные дела.

– А..., – протянул он.

Думаю как сбежать, но не могу пошевелиться. Учитель вспомнил, что аудитория проходное место. Он привел меня в подсобку, где обычно готовился к занятиям, а иногда и ночевал, если его жена «дулась», и строгая вахтерша отказывалась пускать на этаж в общежитие.

Я стояла, прижавшись к стенке, и тяжело дышала. Было темно. Он гладил мои волосы и вдыхал запах цветочного бальзама.

– Думал, что смогу забыть.

– Неделя прошла.

Рюкзачок упал. Локтем я задела потухшую лампу на столике. Учитель не реагировал на шум, а мне интересно, как далеко он сможет зайти. Я забыла о нарисованном домике, убежище и поездке к папе. Мне страшно ехать. Я растегнула пуговицы официального пиджака и развязала галстук, на который его жена убила половину утра.

Прозвенел сигнал к началу третьей пары.

– Лекцию у первого курса никак не отменить. Заедешь в четверг? К шести?

– Да, – ответила я. – Роль случайной девушки в вашей жизни вполне бы меня устроила.

Альберта. Наследница

Вежливая бортпроводница просит отметить на разлинованном листочке всё, что мне понадобится во время полета. Бегло изучаю перечень и выделяю кружочком свежавыжатый сок и фруктовый салат, заправленный нежирным йогуртом. Опоздавшие занимают места в хвосте самолета: полная женщина в цветастом сарафане укладывает шляпку на багажной полке, бабушка с плетеной сумочкой просит внучку лет семи не бояться облаков, шатен смешно жестикулирует, упрекая жену за цвет ядовито жёлтого платья и медлительность. Пассажир в спортивном костюмчике повесил на шею круглые наушники и теперь возмущается на просьбу экипажа отключить плеер до набора высоты.

Вторая бортпроводница выкатила из служебного отсека тележку с прессой. Я спрятала мобильник в рукаве вязаного жакетика и притворилась, что с интересом наблюдаю за работой сотрудников аэропорта, а когда девушка прошла, то лёгким движением освободила телефончик из временного тайничка, включила почту и накатала слезное письмо Мону... Друг папы не ответил... И ладно...

Наш небольшой самолетик разгоняется... Я мысленно прощаюсь с удаляющейся землей и плотная завеса облаков захватывает мое внимание... Соседки обсуждают свадьбу Эдвина... Полноватая девушка визжит, доказывает правоту, а та, что постройнее упрекает в необдуманности подобных заявлений... Кажется, я плачу и глаза мои непроизвольно закрываются... А потом я вижу лесную просеку и неровные крыши южных домиков... При заходе на посадку самолет едва не коснулся брюхом оранжевой черепицы... Мои соседки всхлипнули и тут же замолкли...

Водитель такси притормозил у особняка на окраине. У лесного магната недвижимость по всему миру. Отцу есть, где прятаться.

В просторной гостиной бежевые шторы опущены. Я раздвинула плотные занавесочки, толкнула давно некрашенные створки окошек, и предзакатные лучики солнца впустили согревающий свет в эту унылую пещерку. А потом я увидела папу, сторбленного, с безжизненным выражением на лице сидел он в плетеном кресле-качалке, смотрел в одну точку и щелкал кнопки на пульте от телевизора. Я обняла его – острая щетина обожгла шею, но я рядом и хочу, чтобы он знал это.

Местный музыкальный канал крутил видеоклип суперзвезды Розы. Раскрашенная певичка в мехах и бриллиантах воеет так, что хоть ушки затыкай. И в нее влюблен мой Патрик? На заднем плане мелькнули знакомые лица – встречалась с ними в баре Солмера. Так и вижу, как при любых подозрительных людях в черный уголок подвала летят гитарки, из комбиков выдергивают провода, драммер теряет палочки и в спешке набрасывает на барабаны и звенящие тарелки полотенца, грязные тряпки. Хлопают, скрипят дверцы шкафов и ящиков, на затертой спинке диванчика вокалист с ехидной ухмылочкой расправляет голубое или розовое одеяние с блестками и стразами. В считанные минуты музыканты превращаются в артистов балета. Силиконовая Розы вытягивает кульминационный припев. Папа не шевелится и лоб его не морщится. Как смотрел в потолок, так и смотрит.

В углублении, где расположена кухня, суетилась блондиночка лет тридцати. Позднее она вошла в комнату с подносом и испуганно отскочила к стенке, едва заметила меня.

– Дочь, – я спешно объяснила свое присутствие. – Дверь была открыта...

– Полли, – представилась девушка. – Подруга мистера Анри. – Она поставила поднос на стеклянный столик на низких ножках и упала к ногам отца – он что-то обронил.

– Заколка, – Полли показала кусочек коричневой пластмассы. – Не растает с ней. И не признается, чья. Я была с ним, когда это случилось.

Я ишу, куда бы сесть. В просторной комнатке нет кресел. Только продавленный диванчик в запыленном углу. Спинка прикрыта пледиком с пестрыми кисточками. Я взяла три крайние и начала плести косичку. Кларисса научила.

– То есть вы давно знакомы?

– Да, – ответил тонкий голосок. – Это случается с ним, периодически. Несколько дней погрузит и в себя приходит. Нынешняя депрессия затянулась. Но вы не думайте, он нормальный, просто не разговаривает, а так понимает все и, кажется, спускается по ночам в таинственную комнату. – Полли спрятала заколку в кармане фланелевой рубашки и укутала неподвижные ноги папы клетчатым одеялком. – Часто слышу, как скрипят ступеньки. По-мышинному. И каналы он переключает, если цвет картинки раздражает.

– А своя семья у вас есть?

– Родители далеко. До знакомства с мистером Анри была ведущим специалистом в бюро при городском департаменте. А когда приступы стали затяжными – уволилась и всю себя отдаю ему одному. – Полли вздохнула.

Значит, реагировать может. Я схватила с журнального столика запасной пульт и прибавила громкость. Розы извивалась как кошечка под веселую и зажигательную мелодию. Папа, не меняя положения, переключил канал.

Полли ушла на кухню, а я подбежала к нему и заглянула в глаза. После окончательного разрыва с мамой он купил инструменты для записи новой пластинки. Не вышло. Ни Мон, ни Фелл, ни Макс не смогли уговорить его приступить к работе, а после поехать в гастрольный тур. Он нашел банальную причину послать друзей – а в чём смысл?

Кажется? Шторки колышет сквозняк, и воздух их надувает. Шумит вечерний проспект, жена во дворе ругает мужа – обронил пакетик с молоком. Папа шевельнул пальцем, а потом сморщенные губы его слабо, неуверенно, но приоткрылись:

– Напоминаешь мою помощницу Весту. Она выводила меня из депрессии, а твоя мать искусно туда загоняла.

– Папочка! Как же я рада!

– Зачем приехала? – прошептал он и закашлял.

– Я застала их, дважды. Кеннет Пен гладил мамину руку и уговаривал развестись...

– Давно знаешь об их отношениях, что ж тут удивительного? – Папа осторожно почесал затылок. – Мон говорил, ты нашла группу... Дочь... Сделай одолжение, не говори о матери больше. И не стоит Мону доверять секреты. Он сдал тебя. Как и ты, Мон считает, что я способен перевернуть музыкальный мир во второй раз. – Папа сделал попытку улыбнуться. В итоге снова закашлял. – Только время «Анри—легенды» ушло.

– Неправда. Мои друзья играют песни Группы, а люди поют их в баре, как и много лет назад!

– Если кто—то и сохранил старые пластинки на память, то благодарен им.

– Конечно, проще всего отгородиться и ныть, – возмутилась я.

Папа нахмурился – я умела давить на больной мозоль.

– Скажи, ты задумывалась о последствиях? Мама не такая всемогущая.

– Смотри!

Я показала отцу носок, найденный под ковром.

– Я буду молчать при Полли. Не рассказывай ей, – папа принял прежнее положение.

Я отнесла носок в ванную комнату и бросила в плетеную корзинку.

– Я постираю, не стоит беспокоиться, – Полли тенью возникла за спиной. Странно как—то посмотрела и дернула кривой бровью. Черные волосики выступили на бледной коже. Эта девица в обтягивающих легинсах и свободной маечке с пальмами мне уже не нравится. Все лезет и лезет с расспросами и замечаниями, как будто папа ее собственность.

– Вы... вы...

– Я – связь Анри с внешним миром: продукты, обеды, компакт—диски, фильмы – все на мне.

Полли усадила меня на диванчик в гостиной и опустила со спинки покрывало. Сама – опять на кухню. Отец – спиной. Вижу его заросший затылок. Что—то не так, не пойму.

– Вот, выпейте.

Полли протянула мне кружку с дымящимся напитком.

– Чай с жасмином... Ой, смотрите, а там гитара над полкой висит. Акустическая. Его любимая. Вечерами он играет. Если в настроении.

– «Стимми». Мы подарили ему. Помню, что залезла под столик в кабинете мамы и слушала, как она торопит по телефону менеджера с доставкой.

– А еще мистер Роджер был здесь недавно. С бумагами приехал. Кинул их на пол и ну сыпать бранными словами. Анри никак не реагировал на грубость. Словно не с ним разговаривали.

Ужасно хочется, чтобы Полли замолчала или сменила тему. На столе лежат бутербродики. Я смотрю на аппетитный хлебушек с сырком. Слюнки текут, но взять не решаюсь... Полли целует губы отца.

– Вернулся...

– Хочу популярности! – громко заявила я. Рука папы шевельнулась на подлокотнике. Он попросил Полли развернуть его кресло. А потом я увидела налитые светом глаза, но свет этот рассеивался в пространстве гостиной, и не было в нем теплоты. – И для начала разреши мне выступить на фестивале. Дядя Мон и твои секреты выболтал.

Папа откашлялся и попросил Полли принести ему воды. Она тут же сорвалась на кухню.

– Сначала докажи, что достойна быть в ряду участников. И не только мне.

Криста. Студентка

Соседка уехала на дачу к парню, а я погасила свет в небольшой комнатухе и теперь наслаждаюсь темнотой, тем, как она поглощает, опускается на руки, плечи, щекочет кожу и шевелит волосы. Воображение рисует странные картины. Всегда повторяющиеся. Пасмурный день. Машина мистера Грина на стоянке. В забрызганном дождем стекле детские ручки. Окно приоткрыто. Крохотные пальчики, сгибаясь, тянутся к отцу. Мистер Грин улыбается, почти касается коленями влажной земли, чтобы дочка смогла как следует напутешествоваться в его шевелюре. Оклик жены... Поцелуй... Короткое прощание. Мистер Грин уходит.

«Он» как бы рядом, но его и нет. Вчера мы случайно встретились, и я сказала себе – не судьба быть вместе. И жена у него – красавица. Умеет ходить на каблуках—шпильках, и все в карман учительского пальто фотографию дочки сует, а потом откинет густые кудри, соберет в хвост, загадочно посмотрит, схватит его галстук, притянет к себе и отпустит. «Он» любит свою семью, ценит, уважает. Как и я в нем – каждую черточку на лице, поседевшую от ссор бровь, полузакрытое веко и вечно падающую на лоб челку. А сегодня... Сегодня мистер Грин прошел в паре миллиметров. Наши локти почти соприкоснулись. Он держал портфель перед собой – молния сломалась, и боялся обронить бумаги... Нет, нет... Спокойно. Он лишь наваждение, мечта, «предмет обожания»...

Настойчивый стук. Первая мысль, кто? Все разъехались на выходные. Неохотно поднимаюсь с колен. Вытираю рукавом соленые от слез губы и, хлюпая тапками, бегу открывать. На пороге Морган и Фома. Друзья просят впустить их, но я не позволяю войти.

– Идем на кухню.

– Альби передала?

– Передала, – я спрятала в нагрудном кармане джинсового сарафана конверт и взяла чайник из навесного шкафа.

В полуосвещенном коридоре выкрашенные в темно—зеленый цвет стены эхом отражают голос Моргана. Он с воодушевлением расхваливает трехнедельные каникулы в стране, где

много солнца, песка и моря. Фома «приземляет» друга – живописными картинами они будут наслаждаться в студии, которую арендует Альберта.

– Тихо у вас, – заметил Фома.

– Выходные. А у меня работа.

Хочу сказать – книгу пишу, да Альберте же сдадут.

Фома включил свет, Морган занял единственный стул с кривой спинкой и увидел исчерпанное студентами объявление, приклеенное прозрачным скотчем к мусоропроводу. Я поставила на плиту чайник, и синее пламя вспыхнуло под ним.

– Вахтерша подсказала, в какой комнате ты живешь, – Морган покачнулся на своем стуле и чуть не упал. – Местная знаменитость, оказывается. Статьи печатают. За порядком следишь – всех на этаже построила. Бездомных животных подкармливаешь. Ежемесячно унижаешься и просишь богатеньких отщипнуть от родительских кошельков крохи, чтобы в праздничное воскресенье порадовать детей в приюте сладкими пряниками...

Время вдруг остановилось... В нашу тесную кухню зашел мистер Грин. У него рабочая комната на этом этаже. Не знаю, что думал мистер Грин в тот момент о друзьях Альберты, кем считал, я не смогла определить, что творилось в учительской голове, но Морган осекся, закашлял. Фома заторопился выскользнуть из кухни, а мой «предмет обожания» геройской хваткой из раскрашенного комикса схватил бедного гитариста за горло и, прижимая к грязной стенке, велел выкладывать правду – кто они такие и что забыли поздним вечером в студенческом городке.

– Мы никто, – сдвинув брови пробормотал Фома.

– Прекратите, мальчики билеты на самолет ждут, – вступилась я за друзей. – Альберта попросила им купить. Помните, она приходила к вам на лекции? Только Альби улетела в Южную Страну. Морган и Фома поедут туда же.

Мистер Грин отпустил Фому, и бедный бармен отскочил от него на безопасное расстояние.

– Я с вами, – вдруг промолвил мой «предмет обожания». – Ваша подруга, Криста, обещала интересный материал. Хотелось бы его получить.

Свисток закипевшего чайника завыл в кухне с прокуренным потолком. Не могу шевелиться, но все же я протянула руку к выключателю, и синие огоньки погасли. Лицо Моргана вытянулось, Фома как—то обмяк, а я пылала от ярости, прекрасно понимая, зачем «предмету обожания» туда ехать.

– С директором о командировке по телефону договорюсь – в понедельник ждите замену. А вы! – обратился он к Моргану и Фоме. – Быстро скинули номер рейса и время вылета.

Нетерпимая боль засела внутри. Она жгла, разлагая все вокруг. Помню первые занятия с обручем. Пластмассовые шипы впивались в кожу и живот синел на глазах. Но я отказывалась останавливаться. Закрывала глаза и крутила, крутила до последнего, хотя по щекам рекой бежали слезы. Но секунда... минута... Я выполняла упражнение до победного конца.

Альберта. Наследница

Писклявые гудки разбудили в половине девятого. Одеялко сползло с моего лица. В полудреме я нажала на клавишу «ответ». Помню, что с нетерпением ждала рассвет, а сейчас – вдруг ощутила холодок. Страх сковывал изнутри. Что нас ждет?..

Совсем расслабилась в компании папы! Особенно, когда поняла, что он не утратил способности удивлять публику. На вчерашнем ужине в ресторане отец спокойно «поглощал» горячее и вдруг бросил вилку, нож, встал и, приметив рояль, спрятанный от глаз посетителей пальмочкой, направился туда. Он выгнал изумленного пианиста и заиграл свою мелодию. Сентиментальные дамочки отвлеклись от душевных бесед, одновременно раскрыли ридикюльчики, вынули оттуда белоснежные платочки и принялись вытирать влажные от слез щечки. Папа захлопнул крышку рояля внезапно. В зальчике воцарилась мертвая тишина. Охранник

привел управляющего. Отца хотели вывести, но он лишь ухмыльнулся и напомнил, что его ждет остывшее горячее...

В детской комнате раздражающие звуки – черно-белая кошечка ходит по клавишам отцовского пианино. Сгоняю ее. В углу пустая двухэтажная кроватка с синим матрасом, у желтых шкафов скрипят распахнутые дверки, у стеллажа лесенка. Поднимаюсь на последнюю ступеньку, снимаю с верхней полочки коробку. Внутри письмо на мое имя. Рассматриваю подзрительный конверт, хочу прочесть адрес отправителя, но распечатать послание не удастся – дверь в комнату резко открывается. На пороге мама. В фартуке? Странно...

Концертный зал с отличной акустикой. Зрительских мест меньше, чем обычно бывает и амфитеатра с балконом нет. Струнный оркестр исполняет старинную сонату. Вдруг Туртан выводит из-за кулис певицу Жюли, свою женушку. Опустившись на согнутое колено, он громко ей аплодирует.

Над оркестром гаснет свет, скрипки молкнут. В черных колонках звучит запись популярного радио-хита. Жюли улыбается и как бы «поет». В темноте зала крик недовольства:

– Хотим музыку. Музыку хотим!

Жюли не меняется в лице, только головкой дёрнет, глазками сверкнёт, вот-вот засмеется. Подходит к пианисту и выгоняет его, та же участь постигает скрипачей, трубача, дирижера...

Зрители в растерянности покидают зал, а Жюли бежит и вопит:

– Куда же вы? Только начало!

Падает занавес, будильник...

– Альби, ты встала? – кричит папа.

Такой сон не досмотрела из-за него! Я переоделась и вышла в гостиную. Отец завтракал – уплетал пиццу, которую испекла Полли. С виду кажутся более счастливыми, чем властная маман и ее паук-сожигатель. Полли подала ему еще один кусочек, а заметив меня, вздрогнула, оторвалась от папочкиных губ и выпрямила закутанную в пледик спинку.

– Завтрак? – спросил отец и двинул подносик на край стола.

– Нет, пусть она сварит мне кофе и приготовит творог со сливками. И положит туда свежих ягод.

Полли приподнялась, но папа не позволил ей уйти.

– Морган и Фома прилетели. Друзья. Ты помнишь, что играл вчера? Сможешь повторить? Я им доверяю.

Папа бросил недоеденный кусок пиццы и, кажется, собрался меня игнорировать.

– Хорошо. Я не способна к красноречию, как дядя Мон. Подождем. Мне повезло, что твой лучший друг страстно желает возродить Группу в золотом составе.

– Ты и Мона позвала?

– Отправила ему письмо от твоего имени.

Папа схватил руку Полли. Одета она была в темные джинсы и серый свитер. Русые волосы были распущены и слегка касались плеч.

– Объясняю для непонятливых – время Группы ушло, – упрямо заявил мой папулечка. – Если вздумала записать пластинку – студия и инструменты в полном распоряжении. Отныне я живу по новому расписанию – обед с Полли, футбол, хоккей, выступление в баре или казино. Оказывается, я азартен. Грешу, делаю ставки и выигрываю. Хоть бы раз проиграть! Нет. Мне везёт!

– Почему ты отказываешься принять удачу как данность?

– Пока Пен там... ничего не изменится. С ним легче же коварные планы по захвату власти вершить... Знаешь, я с радостью подпишу бумаги. Устал играть на публике счастливого безмолвного муженька в лентах!

Папа втолкнул Полли в спальню и хлопнул дверкой так, что у меня волосы поднялись. Я бросилась к телефону. Наследник поднимет страну, голоса журналисты. Хорошо, что Эдди

мой брат и я могу просить о большем, чем просто голословно требовать опустить ценник на продукты.

– Слушаю, – сонным голосом ответил мой брат.

– Мне нужна помощь! Совсем запуталась! – воскликнула я. – Пока мама носит титул, папа не вернется.

– Не понимаю, – голос брата оживился.

– Что непонятного! – удивилась я. – Группа поможет с записью диска. Отошлю его. Ты проследишь, чтобы маман послушала, прослезилась, вспомнила о былых чувствах и забыла о «муженьке номер два».

Мне показалось, что Эдди усмехнулся.

– Альби, пусть родители сами разбираются.

– Они ведут себя, как дети, – я решила попробовать пиццу. Взяла кусок, теплый и аппетитный. Пиццу не люблю, но домашняя показалась мне довольно вкусной.

– Ты в Городе?

– У папы...

– А как же лекции? Мать не перестает восхищаться тобой. Всем подругам грамоту показала. И газету со статьей.

Кусок пиццы едва не застрял в горле. Я откашлялась, быстро попрощалась и бросила трубку.

Эдвин. Наследник

Элис требует оценить наряды, которые ей подобрали на закрытую вечеринку магната Джона из Южной Страны. А у него, наследника, совершенно другие мысли в голове. Навязчивые, доводящие до внутреннего протеста, истерики.

– Как тебе? – прошептала Элис и показала поясок очередного платья. Эдвин поднял глаза, пышная юбка вздулась куполом, так сильно растянула ее Элис. Он похвалил длину, фасон, расцветку, качество ткани...

– Модные репортеры оценят, – сказала Элис и закружилась по комнате.

Знала бы, что ему дела нет до мнения журналистов.

– Путеводители и программа мероприятий, – вдруг произнес он. – Элис, я хочу побывать у скал. Здесь пишут о легенде – поющие скалы с острыми вершинами открываются людям честным и добродетельным...

– О, – Элис отпустила юбку и теперь тянет руку. – Дай гляну...

Легкий смех, шелестят глянцевые страницы, приятное касание... Элис задела мягкой тканью запястье... Кеннет Пен подал матери бумаги. Она за столом. Щелкнула колпачком ручки и взглянула на него, «врага». Пен прищурился. Мать поставила подписи – враг ликует, прячет документы в тяжелом портфеле.

Утром Эдвин решил говорить с матерью. Нашел ее в парке. Было тихо. Он шагал по каменистой дорожке к оранжерее. Прозрачную крышу недавно отремонтировали. Солнце нагревало стекло. Под присмотром садовника в голубой панаме мать перекладывала в плетеную корзину цветы, отобранные для посадки в клумбы. Заметив его, она обронила разноцветную охапку на деревянный стол.

– Здравствуй, сынок, – поздоровалась мать, подошла ближе и стянула перчатки. – У вас званый обед, не забыл?

– Успею, – ответил Эдвин. – Нужно поговорить прежде.

– Завтракал?

– Перекусил.

Они расположились на скамейке в тени раскидистого дерева. Эдвин мучился. Напряженно думал, как подступиться к деликатной теме. Сомнения не позволяли задать один единственный вопрос прямо.

– Как самочувствие, сынок? – спросила мать и ласково погладила его покрытый испариной лоб. Эдвин грубо оттолкнул ее. Она сбила его с мысли.

– Почему не прогонишь его?

Легкий ветерок шевельнул кудрявый волосок у нее за ухом. А она как сидела, выпрямившись и теребя точеными пальцами ткань юбки, так и сидит.

– Много лет назад я вытягивала из бабушки правду. Пришло время, я получила ответы. Кеннет Пен ЕЩЕ нужен нам. Почему? Узнаешь вскоре сам. Фрэнсис Бойл учил тебя, наставлял, оказывал влияние. Ты познавал теорию, а реальное... что ж смотри, наблюдай. Давить не стану.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.